

МАТЕРИАЛЫ САМИЗДАТА

Выпуск №21/84

9 июля 1984 г.

<u>АС №№</u>	<u>СТР.</u>
5240. 80 мирян Грузинской православной церкви (К.Джанджава и др.). Обращение к Католикосу-Патриарху Илии II и членам Синода Грузинской церкви с призывом бороться с аморальными поступками ряда иерархов Грузинской церкви (без места), декабрь 1982.	8
5241. Звиад Гамсахурдиа. "Открытое письмо Католикосу-Патриарху всея Грузии Илии II" с требованием изгнать из церкви "банды гомосексуалистов и хулиганствующих женщин" (Тбилиси), 19.12.82.	2
5242. 3 иерарха Грузинской православной церкви (митрополит Шио и др.). Обращение к "сынам Грузии" о нынешнем положении церкви, Тбилиси, 10.1.83.	2
5243. Имануэл (Энрико) Тваладзе, еврей-отказник. Очерк "Московское гостеприимство /факты и размышления/", Тбилиси, сентябрь 1983.	32
5244. Юрий Шаулов, лоцман, еврей-отказник. "Заявление" Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру с просьбой помочь ему и его семье выехать из СССР, Ленинград (не ранее 2.10.83).	3
5245. Сообщение о деле еврея-отказника Захара Зуншайна, задержанного в Москве 4.3.84, обвиненного в Риге 6.3 по ст.183-1 УК ЛатвССР (без места, между 26 и 28.6.84).	5

АС №5240. 80 мирян Грузинской православной церкви (К.Джанджгава и др.). Обращение к Католикосу-Патриарху Илии II и членам Синода Грузинской церкви с призывом бороться с аморальными поступками ряда иерархов Грузинской церкви (без места), декабрь 1982.⁺

Святейшему и Блаженнейшему Католикосу-Патриарху всея Грузии, Архиепископу Мцхетскому и Тбилисскому, президенту Всемирного Совета Церквей ИЛИИ II¹

членам Священного Синода Грузинской Церкви: митрополиту Батумскому и Шемокмедскому ШИО, митрополиту Алавердскому ГРИГОРИЮ, архиепископу Бодбийскому АФАНАСИЮ, епископу Никорцминдскому АМВРОСИЮ, епископу Маргветскому ХРИСТОФОРУ

Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к вам с просьбой, касающейся злободневных вопросов церковной жизни Грузии.

Юридически наша Церковь, конечно, отделена от государства, но от нации она не отделена и отделенной быть не может. Наоборот, она должна быть собранием лучших сынов нации, должна направлять нацию, наставлять ее, просвещать, воспитывать, духовно обогащать и возвышать ее. Нация и Церковь - единая, неразрывная плоть. Боль Церкви является болью нации, а Церковь не только остро реагирует на боль нации, но и лечит ее. Наша Церковь никогда не была оторвана от нации; более того, нация боролась за Церковь, за веру. Поэтому мы, миряне, считаем себя вправе поведать вам обо всем, что нас волнует.

⁺Перевод с грузинского, сделанный на Западе; в АС имеется фотокопия оригинала.

1. В миру - Гудушаури-Шиолашвили, избран патриархом 23.12.77, интронизация состоялась 25.12.77 ("Журнал Моск. Патриархии", 1978, №3:2); избран одним из шести президентов ВСЦ в янв. 1979 ("Заря Востока", 18.1.79).

Кто более или менее знаком с историей Церкви, согласится с нами, что Церковь никогда не существовала без церковного права. Церковное право является таким институтом, который защищает Церковь от анархии, проникновения уголовных элементов, своеволия случайных лиц. В Положении Всегрузинского Церковного Собора 1920 года читаем:

Церковному праву грузинской Церкви подлежат все ее члены в вопросах церковного учения, моральной жизни, церковного строя и противоцерковных деяний. Для нарушителей церковным правом утверждены определенные наказания или меры расправы. В епархии церковное право отделено от церковного управления и осуществляется епархиальным судом. У него нет особого следственного аппарата, в каждом отдельном случае сам суд избирает следователя. Не существует и должности обвинителя, одному из членов суда поручается составление обвинительного протокола и выступление с докладом. Он не принимает участия в вынесении приговора.

Далее в Положении детально описывается функционирование суда грузинской Церкви /"Управление грузинской Церкви", издательство Католикосского Совета, 1920, стр.28/.

Где же сегодня церковный суд, который разбирал бы всевозможные жалобы верующих и духовенства? Где Католикосский Совет, который состоял как из духовных, так и из светских лиц? И если сегодня происходит возрождение Церкви, то прежде всего должны быть восстановлены эти два института. Это способствовало бы оздоровлению нашей церковной жизни. Почему грузинская Церковь должна была прибегнуть к помощи органов милиции в деле выявления и наказания недостойных служителей Церкви? Разве церковным законом не предусмотрено разоблачение таких лиц?

14 марта 1979 года на судебном процессе по делу КЕРАТИШВИЛИ Б.Т.¹ общественный обвинитель - представитель грузинской Церк-

1. Бидзина Титикоевич (митрополит Гайоз); о нем см. АС №№18 21, 2580:12, 2581, 4685:2, "Заря Востока", 14.6.79.

ви¹, рассуждая о преступлениях КЕРАТИШВИЛИ, заявил:

Грузинская Церковь не допустит повторения аналогичного случая в ее внутренней церковной жизни... Грузинская Церковь не допустит повторения чего-либо подобного; она будет твердо выполнять святые постановления церковных соборов, правила святых апостолов и свою будущую деятельность будет строить на их основе. Она со всей строгостью будет наказывать всех тех, кто попытается опорочить ее доброе имя.

К сожалению, все это осталось лишь обещанием. На деле все выглядит наоборот. В нашей Церкви еще много недостойных церковных и светских лиц, о безобразных деяниях которых пишется множество заявлений и жалоб и на ваше имя, и на имя других архиереев; и вы в большинстве случаев оставляете их без разбора и ответа. Такие заявления и жалобы поступают как из тбилисских приходов, так и из епархий. Поэтому мы требуем восстановления Церковного² Совета и Церковного суда, которые будут разбирать заявления и жалобы верующих и изучать все сигналы, поступающие в Патриаршество, о тех или иных явлениях в нашей церковной жизни. Мы требуем восстановления Церковного суда, изгнания недостойных духовных и светских лиц из Церкви и Патриаршества.

Нам стало известно, что представители нашего духовенства потребовали искоренения из нашей Церкви позорного недуга - гомосексуализма, который крепко укоренился в ней³. Статуты Руиси-Урбнисского собора⁴ называют его "наиболее отвратным из грехов"⁵, он проклят святой Библией и всеми апостольскими и церковными за-

1. Архиепископ Сухумский и Абхазский Николай (он же - Николоз; в миру - Махарадзе), затем - митрополит Кутаисский и Гаенатский, пред. Отдела внешних церковных сношений Грузинского Патриархата (ТАСС, 14.6.79; "Журнал Моск. Патриархии", 1981, №1:49, 1982, №6:66).
2. Так в оригинале; возможно, след. читать "Католикосского" (ср. с.2).
3. Об этом см., напр., АС №1821.
4. Руиси-Урбнисский церковный собор 1103 года.
5. В доступном нам фр. переводе: "l'abominable péché de sodomie" (Michel Tamarati /Михаил Тамарашвили - ред. АС/, "L'Eglise géorgienne des origines jusqu'à nos jours", Рим, 1910, с.276).

конами. Нам известно, что митрополит Батумский и Шемокмедский ШИО /АВАЛИШВИЛИ/, митрополит Алавердский ГРИГОРИЙ /ЦЕРЦВАДЗЕ/, архиепископ Бодбийский АФАНАСИЙ /ЧАХВАШВИЛИ/, епископ Никорцминдский АМВРОСИЙ /КАТАМАДЗЕ/, епископ Маргветский ХРИСТОФОР /ЦАМАЛАИДЗЕ/ и другие требуют разоблачения и отлучения от Церкви таких скомпрометировавших себя церковных деятелей, какими являются: т.н. митрополит Кутаисский и Гаенатский НИКОЛОЗ /МАХАРАДЗЕ/, т.н. архиепископ Чкондидский ИОАНН /АНАНИАШВИЛИ/, т.н. епископ Ахалцихский АНАНИЙ /ДЖАПАРИДЗЕ/ и т.н. архимандрит ЕКВТИМЕ /КОЧЛАМАЗАШВИЛИ/. Всем известно, что они являются гомосексуалистами.

Вместо того чтобы служители Церкви давали молодежи примеры высокой морали, эти морально павшие лица развращают молодежь, что вызывает особое возмущение.

Мы требуем от вас непримиримого отношения к этому тревожному явлению в нашей Церкви, существованию которого помогают враждебные Церкви силы, заинтересованные в падении ее престижа. Требуем созыва Церковного Собора, разбора всех изобличающих материалов по делу этих лиц по правилам Церковного суда и принятия соответствующего решения.

1982 г., декабрь

1. ¹ К.ДЖАНДЖГАВА	14. Т.РОБИТАШВИЛИ
2. Н.ЦАЦАЛАШВИЛИ	15. Н.ГУБИАНУРИ
3. Д.ТОГОНИДЗЕ	16. Т.МАХАТАДЗЕ
4. Т.ГОГИТИДЗЕ	17. И.МУСЕРИДЗЕ
5. А.САЛАРИДЗЕ	18. М.МАМАИШВИЛИ
6. ХОМАСУРИДЗЕ	19. А.КИЗИРИЯ
7. Н.ПАПИДЗЕ	20. Т.МЕГРЕЛИДЗЕ
8. М.ЦКИТИШВИЛИ	21. Е.НЕМСАДЗЕ
9. Ц.ШАМУГИЯ	22. Т.КАВТАРАДЗЕ
10. Ц.КИПИАНИ	23. М.ГЕРЛИАНИ
11. М.САЧАЛЕЛИ	24. И.СИРБИЛАДЗЕ
12. Д.ТАВЕЛИШВИЛИ	25. Т.ЗАМТАРАДЗЕ
13. З.ШАЛВАШВИЛИ	26. Н.КВАТАДЗЕ

1. №№ добавлены нами - ред. АС.

27. К. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ
28. Н. ПИОЛИЯ
29. М. МУРАДАШВИЛИ
30. Ц. АРЗИАНИ
31. М. ЧАЛАТАШВИЛИ
32. Н. АРЗИАНИ
33. И. ИМНАДЗЕ
34. К. МУСЕЛИАНИ
35. М. КЕРАШВИЛИ
36. А. РОБАКИДЗЕ
37. Л. ПАНДЖИКИДЗЕ
38. М. ЛОРТКИПАНИДЗЕ
39. И. НОЗАДЗЕ
40. М. ГУГУШВИЛИ
41. Г. ВАРДОСАНИДЗЕ
42. М. КОЧИАШВИЛИ
43. Т. ДЖИКИЯ
44. Н. ТОДУА
45. К. ЛЕКИАШВИЛИ
46. Н. ГОРДЕЛАДЗЕ¹
47. Ц. БЕНДЕЛИАНИ
48. Н. ЦХАДАДЗЕ
49. Н. ШАРИКАДЗЕ
50. К. ГОГОЛАДЗЕ
51. Л. МАМАСАХЛИСИ
52. М. ДЖАПОШВИЛИ
53. Т. ЕПИТАШВИЛИ
54. Н. АБУРДЖАНИЯ
55. Т. ГИГИНЕИШВИЛИ
56. К. ЕНДЗЕЛАДЗЕ
57. Н. ГОНАШВИЛИ
58. ОКРОМЧЕДЛИДЗЕ
59. Т. ДОГОНАДЗЕ
60. Т. МАРГВЕЛАШВИЛИ
61. В. ГИОРГАШВИЛИ
62. Н. КАДЖАЯ
63. Ш. ЧАЧАВА
64. К. КОЧЛАВАШВИЛИ
65. Т. ЛАГВИЛАВА
66. Д. КУПРЕИШВИЛИ
67. В. СИГУА
68. Л. ТХЕЛИДЗЕ
69. Н. БАХТУРИДЗЕ
70. М. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ
71. А. ШАРАШИДЗЕ
72. Г. НАОБИШВИЛИ
73. Т. ГОМЕРАШВИЛИ
74. И. МИКАДЗЕ
75. И. ЛЕЛАДЗЕ
76. Н. ГОРДЕЛАДЗЕ²
77. Д. ГОГИЧАИШВИЛИ
78. Н. МИКАВА
79. К. ЛЕЛАШВИЛИ
80. Н. КУРДИАНИ

1. Ср. №76.

2. Ср. №46.

(80 мирян Груз. правосл. церкви... Обращение к... Илии II... без места, декабрь 1982)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К АС №5240

- Абурджания Н. -№54
 Авалишвили - см. Шио, митрополит Батумский и Шемокмедский
 Амвросий (в миру - Катамадзе), епископ Никорцминдский, чл. Священ. Синода Груз. церкви 1, 4
 Ананишвили - см. Иоанн, архиепископ Чкондидский
 Ананий (в миру - Джапаридзе), епископ Ахалцихский Груз. правосл. церкви 4
 Арзиани Н. -№32
 Арзиани Ц. -№30
 Афанасий (в миру - Чахвашвили), архиепископ Бодбийский, чл. Священ. Синода Груз. церкви 1, 4
 Бахтуридзе Н. -№69
 Бенделиани Ц. -№47
 Вардосанидзе Г. -№41
 Гайоз, быв. митрополит см. Б.Т. Кератишвили
 Гачечиладзе К. -№27
 Гачечиладзе М. -№70
 Герлиани М. -№23
 Гигинеишвили Т. -№55
 Гиоргашвили В. -№61
 Гогитидзе Т. -№4
 Гогичаишвили Д. -№77
 Гоголадзе К. -№50
 Гомерашвили Т. -№73
 Гонашвили Н. -№57
 Горделадзе Н. -№46
 Горделадзе Н. -№76
 Григорий (в миру - Церцвадзе), митрополит Алавердский, чл. Священ. Синода Груз. церкви 1, 4
 Губианури Н. -№15
 Гугушвили М. -№40
 Гудушарури-Шиолашвили см. Илия II
 Джанджгава К. -№1
 Джапаридзе - см. Ананий, епископ Ахалцихский
 Джапошвили М. -№52
 Джикия Т. -№43
 Догонадзе Т. -№59
 Еквтиме (в миру - Кочламазашвили), архимандрит Груз. церкви 4
 Ендзеладзе К. -№56
 Епиташвили Т. -№53
 Замтарадзе Т. -№25
 Илия II (в миру - Гудушарури-Шиолашвили), Католикос-Патриарх всея Грузии (избран 23.12.77, интронизация - 25.12.77), архиепископ Мцхетский и Тбилисский, президент ВСЦ (1 из 6 - избран в янв. 1979) 1
 Имнадзе И. -№33
 Иоанн (в миру - Ананишвили), архиепископ Чкондидский Груз. правосл. церкви 4
 Кавтарадзе Т. -№22
 Каджая Н. -№62
 Катамадзе - см. Амвросий, епископ Никорцминдский
 Кватадзе Н. -№26
 Кератишвили Б(идзина) Т(итикович) (быв. митрополит Гайоз), о его проц. 14.3.79 2-3
 Керашвили М. -№35
 Кизирия А. -№19
 Кипиани Ц. -№10
 Кочиашвили М. -№42
 Кочлавашвили К. -№64
 Кочламазашвили - см. Еквтиме, архимандрит Груз. церкви
 Купреишвили Д. -№66
 Курдиани Н. -№80
 Лагвилава Т. -№65
 Лекиашвили К. -№45
 Леладзе И. -№75
 Лелашвили К. -№79
 Лорткипанидзе М. -№38
 Мамаишвили М. -№18
 Мамасахлиси Л. -№51
 Маргвелашвили Т. -№60
 Махарадзе - см. Николоз, митрополит Кутаисский и Гаенатский
 Махатадзе Т. -№16
 Мегрелидзе Т. -№20
 Микава Н. -№78
 Микадзе И. -№74
 Мурадашвили М. -№29
 Муселиани К. -№34
 Мусеридзе И. -№17
 Наобишвили Г. -№72
 Немсадзе Е. -№21
 Николай, митрополит Кутаисский и Гаенатский см. Николоз

- Николоз (он же - Николай; в миру - Махарадзе), митрополит Кутаисский и Гаенатский Груз. правосл. церкви; (март 79 - обществ. обвинитель на проц. Б.Т. Кератишвили /митрополит Гайоз/; затем пред. Отдела внешн. церк. сношений Груз. Патриархата) 3-4
- Нозадзе И. - №39
- Окромчедлидзе - №58
- Панджикидзе Л. - №37
- Папидзе Н. - №7
- Пиолия Н. - №28
- Робакидзе А. - №36
- Робиташвили Т. - №14
- Саларидзе А. - №5
- Сачалели М. - №11
- Сигуа В. - №67
- Сирбиладзе И. - №24
- Тавелишвили Д. - №12
- Тогонидзе Д. - №3
- Тодуа Н. - №44
- Тхелидзе Л. - №68
- Хомасуридзе - №6
- Христофор (в миру - Цамалаидзе), епископ Маргветский, чл. Священ. Синода Груз. церкви 1, 4
- Цамалаидзе - см. Христофор, епископ Маргветский
- Цацалашвили Н. - №2
- Церцвадзе - см. Григорий, митрополит Алавердский
- Цкитишвили М. - №8
- Цхададзе Н. - №48
- Чалаташвили М. - №31
- Чаквашвили - см. Афанасий, архиепископ Бодбийский
- Чачава Ш. - №63
- Шалвашвили З. - №13
- Шамугия Ц. - №9
- Шарашидзе А. - №71
- Шарикадзе Н. - №49
- Шио (в миру - Авалишвили), митрополит Батумский и Шемокмедский, чл. Священ. Синода Груз. церкви 1, 4

АС №5241. Звиад Гамсахурдиа. "Открытое письмо Католикосу-Патриарху всея Грузии Илии II" с требованием изгнать из церкви "банды гомосексуалистов и хулиганствующих женщин" (Тбилиси), 19.12.82. +

Открытое письмо Католикосу-
Патриарху всея Грузии ИЛИИ II

В то время когда Грузинской Церкви угрожало назначение Патриархом гомосексуалиста-гангстера КЕРАТИШВИЛИ¹, прихожане нашей Церкви, в т.ч. и я, с надеждой взирали на Вас и все делали для того, чтобы пробить Вам дорогу к патриаршему престолу. Тогда никто не мог представить, что после возведения Вас в сан патриарха наша Церковь окажется жертвой такой анархии, таких размеров достигнут разврат и аморализм некоторых служителей Церкви и Церковь станет убежищем для дельцов и торгашей всех мастей.

Здоровая часть наших церковных деятелей и прихожан долго хранила молчание по поводу аморальности отдельных представителей духовенства, т.к. они не хотели порочить имя Церкви, но, когда моральное падение т.н. архиепископа Чкондидского ИОАННА /АНАНИ-АШВИЛИ/² перешло все границы - после того, как несовершеннолетнего юношу, ученика десятого класса, пришедшего к нему на причастие, он гомосексуально развратил /потому что, видимо, "ИОАННУ" поручено отталкивать молодежь от Церкви/, - у всех чаша терпения переполнилась, и сознательная часть нашего духовенства поднялась с требованием изгнать банду гомосексуалистов из Церкви.

Но борьба с этими подонками оказалась не легким делом. В Сионском соборе³ начала действовать банда хулиганствующих женщин; в нее входят И.КАСРАДЗЕ, Н.ИОСЕЛИАНИ и некая ЦИСАНА. Стало ясно,

+Перевод с грузинского, сделанный на Западе. В АС имеется фотокопия оригинала (от руки).

1. О нем см. АС №5240:2-3.
2. О нем см. там же, с.4.
3. Сионский патриарший собор (Тбилиси).

что эта банда находится в тайном альянсе с вышеуказанной бандой гомосексуалистов. Недавно эти женщины напали на членов Священного Синода в здании патриаршества и оскорбили их. Эти архиереи требуют отстранения гомосексуалистов от Церкви. 18 декабря с.г., во время предпразднества святого Николая в Сионском соборе, когда проходил обряд Елеепомазания, эти женщины громко, во всеуслышание, обратились ко мне с нецензурными словами, угрожая мне изгнанием из Церкви и города. Интересно, за чьими спинами стоят они, кто им дает право на все это, как могут они действовать столь безнаказанно? /Примечательно, что Ваш телохранитель и милиционер не приняли никаких мер против них, несмотря на то, что хулиганский поступок был совершен в их присутствии./

Если Вы не изгоните из Церкви банды гомосексуалистов и хулиганствующих женщин и не запретите им ходить в Собор, я буду иметь полное основание заключить, что эти банды действуют под Вашей эгидой и по Вашим заданиям и что Вы с их помощью расправляетесь с неугодными Вам духовными и светскими лицами. В противном случае я буду вынужден прибегнуть к более серьезным мерам, в частности – сообщить широкой общественности и Всемирному совету церквей о творимых в Грузинской Церкви безобразиях.

Звиад ГАМСАХУРДИА

19.XII.1982

АС №5242. З иерарха Грузинской православной церкви (митрополит Шио и др.). Обращение к "сынам Грузии" о нынешнем положении церкви, Тбилиси, 10.1.83.⁺

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ СЫНЫ ГРУЗИИ!

Пусть сопутствуют вам Божья милость и благословение!
Обращаемся к вам, потому что происходят печальные события.
Грузинская Церковь в опасности.

Тучами зла и разврата окутаны наши святые храмы... Чувствами верующих людей овладевают возмущение и горечь... Уже давно в среду служителей Церкви ворвалась гнусная болезнь, постыдная и огорчительная... Черный сатана гомосексуализма бродит по епархиям. И кто же занимается гомосексуализмом? Митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит. Их имена и фамилии приведены в приложенных к этому письму прошениях¹. Мы долго молчали; годами скрывали это злополучное явление. Нам говорили, что стыдно выносить из избы сор наших грехов... Но, когда разврат и наглость гомосексуалистов перешли все границы, когда стало невозможным скрывать шила в мешке и когда оскверненные святые храмы облились постыдным потом, мы, несколько архиереев, осмелились заговорить... Это нельзя называть разоблачением, так как гомосексуалисты своей наглостью и бесстыдством сами себя во всем разоблачили. Большинство из вас, читающих это письмо, в основных чертах знало о происходящих в Церкви событиях; и, наверно, вас удивляло наше молчание... Как известно, разоблачение недостатков и их выжигание каленым железом мудрецы считали похвальным деянием; помня это, мы обратились с жалобой к Католикосу-Патриарху Грузии, но каков результат? Обещание... Обдумывание... Проволочки... А люди, совершившие ужасные преступления перед Церковью и человеческим достоинством, уже бурлят местью. Словами невозможно описать те ненависть и

⁺Перевод с грузинского, сделанный на Западе. В АС имеется фотокопия оригинала.

и гнев, которые извергают на нас враги Церкви и их покровители. Нет предела вражеским акциям против нас. Зло, тяжкий грех и святотатство захлестнули Церковь... Мы просили о совсем простом и справедливом: чтобы Священный Синод рассмотрел нашу просьбу на основании 19-й статьи Положения Грузинской Церкви. Но за нашим четырехкратным обращением справедливое решение не последовало. Уполномоченный Совета Министров - Г.МАЙСУРАДЗЕ¹ - против созыва Собора². Рассмотреть этот вопрос в Священном Синоде не захотели, опять-таки по той же самой причине, что, мол, стыдно во всеуслышание сказать об этом... Стыд и срам... Постыдное скрывают, его разоблачение считают позором. Но, поступая так, они избегают осуждения и закона... Грушный Адам боится Всевышнего и листвою фигового дерева пытается прикрыть тело, но листья не могут скрыть его наготу... Дети наши, вам все ведомо о нации нашей и о религии нашей. Вам ведомо, что мы подняли этот вопрос честно и справедливо. Мы поступили так, как велит апостол Павел: "Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели" /1 Тим. 5, 20/. Мы, хоть и поздно, но все-таки разоблачили недостойных, правда не "перед всеми", а перед Католикосом-Патриархом и Священным Синодом. Но, поскольку за этим разоблачением на нас обрушились клевета и преследования, мы решили разоблачить вершителей содомского греха "перед всеми", т.е. перед всем грузинским народом. Мы понимаем так и так веруем: Церковь должна быть уважаема каждым человеком, независимо от того, верующий он или атеист. Все вправе требовать от служителей Церкви порядочности и святости. Поэтому все, что так безобразно подрывает авторитет нашей Церкви, должно вызывать "боль ваших сердец". Любезней душе нашей, грузины, если это так и если этот позор вызвал боль ваших сердец, пусть подскажет вам боль эта, что следует сделать для Апостольской Грузинской Церкви, которая и сегодня велика.

Уповающие на вас и любящие вас архиереи:

1. ШИО /АВАЛИШВИЛИ/, митрополит Батумский и Шемокмедский
2. АМВРОСИЙ /КАТАМАДЗЕ/, епископ Никорцминдский
3. ХРИСТОФОР /ЦАМАЛАИДЗЕ/, епископ Маргветский

Тбилиси, 10 января 1983 г.

1. Гиви Шалвович; уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по ГССР ("Заря Востока", 27.7.79).
2. В оригинале "Синода". Ср. ниже и АС №5240:4.

АС №5243. Имануэл (Энрико) Тваладзе, еврей-отказник.
Очерк "Московское гостеприимство /факты и раз-
мышления/",
Тбилиси, сентябрь 1983.⁺

МОСКОВСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

/факты и размышления/

I

Обстоятельства в моей жизни складывались так, что последние 6-7 лет мне не раз приходилось бывать в Москве, останавливаться в различных районах города, в основном на частных квартирах, а иногда, когда не удавалось устроиться в пределах городской черты - жить в Подмосковье. В настоящем очерке постараюсь в силу своих возможностей поделиться своими воспоминаниями и впечатлениями об этих поездках, встречах с людьми, в основном, уж так получалось, с представителями органов милиции и КГБ. Мне думается, что для человека, мало знакомого с данным предметом, они должны представлять определенный интерес. Хотя бы потому, что это не официозный репортаж о Красной Москве-столице, Москве олимпийской, университетской, о Лужниках, Калининском проспекте или парке Горького. Обо всем этом мы уже достаточно наслышаны. Мой взгляд - это не мнение члена какой-либо делегации или туристической группы, для которого забронированы места в гостинице, обеспечен более или менее приличный сервис, мой взгляд - это мнение человека, на свой страх и риск прибывшего в Москву по личным вопросам. Начну со своего последнего посещения - еще совсем свежи воспоминания о нем, - пожалуй, он как бы фокусирует в себе все прежние впечатления, проясняет их, ставит точки над и.

II

...Жарким июльским утром нынешнего года отплыл я на "Комете" из Поти в Сухуми. За неполных 2 часа катер на подводных крыльях

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

преодолею расстояние в 110 километров, доставив меня в Абхазию. Переночевав в живописной Мюссере, я на следующее утро в битком набитой пассажирами электричке, которая по сравнению с "Кометой" ползла, словно черепаха, добрался до Адлера. Адлерский аэропорт был переполнен прибывающими курортниками, казалось, здесь собрались представители всех национальностей, населяющих Советский Союз: русские, украинцы, армяне, грузины, абхазы, адыгейцы, жители Средней Азии. Мне встретились даже 2 молодые эстонки, что довольно нетипично, так как эстонцы редко добровольно покидают Прибалтику. Поскольку люди в основном прибывали в Адлер, а не наоборот, я без всякого труда достал билет на ближайший московский рейс. Регистрация билетов уже была объявлена. Мой багаж состоял всего из одной сумки: схватив ее, я побежал к регистрационной стойке. Неожиданно диктор объявляет, что вылет нашего рейса задерживается на час - не принимает Внуково. Регистрация билетов, однако, продолжается. Спустя 40 минут после ее окончания объявляется посадка. Женщина в форме служащей Аэрофлота роется в моей сумке, что-то ищет; просмотрев ее, принимается за вещи других пассажиров. Я прохожу через контрольную аппаратуру, напоминающую арку, - она фиксирует наличие у пассажиров металлических предметов, оружия. В кармане у меня связка ключей: интересно, зазвенит аппаратура или нет? Не зазвенела. У какого-то мужчины в вещах обнаружили бутылку коньяка. Молодой милиционер торжественно кладет ее на стол, составляют акт. Мужчина не протестует, виновато улыбается. Непонятно все-таки, почему запрещается перевозить в самолетах спиртные напитки.

Как бы там ни было, коньяк остается в Адлере, а мы садимся в автобус, доставляющий нас к самолету. Жара стоит изнуряющая, градусов за 35, хочется поскорее попасть в авиасалон в надежде на кондиционер. Мое место в первом ряду - прямо передо мной кабина пилотов. Дверь кабины открыта, и струя холодного воздуха приятно освежает лицо. Ревут моторы, ТУ-154 берет разгон, отрывается от земли. Пролетев немного над морем, самолет разворачивается на север, набирает высоту. Пилот ведет машину профессионально, уверен-

но, почти незаметны воздушные ямы. Хочется пить, но стюардессы не очень щедры - за 2 часа полета они лишь раз подадут по маленькой чашечке боржоми. Помню времена, когда во время рейса Тбилиси - Москва кормили горячим обедом, затем обед заменили бутербродами и пирожными, затем прохладительными напитками - и вот сейчас 100 грамм боржоми. Жизнь стала похожа на поездку в такси - чем дальше, тем дороже. Вот еще пример. Лет 10 назад койка в Сочи в курортный сезон стоила 1 р. в сутки, а теперь цена доходит до 5 р...

...Подлетаем к Москве со стороны юго-запада. Смотрю в иллюминатор, хочется увидеть город с высоты нескольких километров, но внизу стелятся лишь огромные лесные массивы. Аэропорт Внуково находится на окраине города - при приземлении видны лишь самолеты, взлетно-посадочные полосы да служебные здания.

Моя сумка при мне - ждать багажа мне не нужно. Стараюсь как можно быстрее выбраться наружу. По своему горькому опыту знаю, как быстро течет время в Москве. Расстояния здесь большие, для того чтобы добраться до места, иногда приходится терять час-полтора плюс столько же на обратный путь. Вот и получается, что только на дорогу уходит 2-3 часа. А постоянные московские очереди, которые могут возникнуть в самый непредвиденный момент по самому, казалось бы, пустяковому поводу. Очередь на автобус, в столовую, в магазине, в справочном бюро, в камере хранения, даже воду - и ту не выпьешь без очереди. Однажды, чтобы выпить стакан фанты на Курском вокзале, мне пришлось выстоять 20 минут, а раз из-за непредвиденной очереди я чуть было не опоздал на поезд. Я уезжал домой и перед отъездом решил купить московских конфет. В тбилисском магазине за конфетами нужно стоять максимум минут 5. До отхода поезда оставалось часа полтора. Я, ничего не подозревая, занял очередь, передо мной стояло человек 20, но, для того чтобы добраться до прилавка, я простоял час с лишним /каждый брал по несколько сортов конфет, из-за чего очередь двигалась очень медленно/. Я едва поспел на такси к самому отходу поезда.

А между тем проблему очередей можно решить: для этого нужно увеличить количество предприятий сферы обслуживания, а также увеличить количество ходовых товаров...

...Итак, умудренный опытом, я тороплюсь, как, впрочем, и все вокруг – Москва самый суетливый из всех виденных мной городов. Уже 4 часа дня, а мне нужно побывать до захода солнца в разных концах города. Не теряя времени, сажусь в комфортабельный "Икарус", который минут за 40 довозит меня до площади Маяковского. Я давно облюбовал себе здесь столовую при ресторане гостиницы "Пекин": готовят здесь сравнительно чисто и недорого. В ресторан стоит большая очередь. Агрессивного вида пожилой швейцар выговаривает публике, стараясь оттеснить ее от двери: "Ну куда прете, все равно мест свободных нет". Я не любитель китайской кухни, времени лишнего у меня нет, объясняю швейцару, что мне нужно в столовую, и беспрепятственно пробираюсь сквозь толпу.

Пообедав, даю себе небольшую передышку, после адлерской жары хочется подышать прохладным воздухом, в Москве плюс 20. На площади, неподалеку от театра Сатиры, расположен небольшой сквер. Я усаживаюсь на скамейку, чтобы прочесть свежие газеты: репертуар их неизменный – Москва всеми силами борется за мир, а Вашингтон, напротив, всеми силами раскручивает маховик гонки вооружений, повсюду в мире ставит русским спицы в колеса. Политика политикой, а мне нужно искать крышу над головой. Конечно, удобнее всего устроиться в гостинице, однако это очень непросто. Если бы еще у меня было командировочное удостоверение, тогда бы имел смысл попытаться счастья. Но такового у меня нет; не мудрствуя лукаво, еду на окраину Москвы к моим хорошим знакомым. Жилплощадь, правда, у них небольшая, но они всегда встречают меня радушно. Мне неприятно их стеснять, но, увы, деваться некуда. Сперва еду на метро, затем автобусом. Чтобы быстрее добраться, попытался было, выйдя из метро, взять такси, но шофера¹ наотрез отказываются ехать в такую даль.

Наконец я у цели. Но какая досада, оказывается, ехал я зря: моих знакомых не оказалось дома, они выехали на дачу где-то под Москвой, а где точно находится эта дача, никто из соседей не знает. Мало того, что я время потерял впустую, становится неясным, где я буду ночевать. Нужно торопиться в центр. До захода солнца я должен успеть в синагогу, с началом сумерек наступает Тиша бзаб¹,

1. В получ. копии "Тешах Аба".

день скорби и поста для всех людей иудейского вероисповедания: в течение суток запрещено что-либо есть или пить. В этот день 1913 лет назад римские легионеры под командованием ТИТА сожгли Иерусалимский Храм, Светоч Единобожия среди моря язычников, а жителей Иудеи рассеяли по всему миру. В синагогу добираюсь вовремя, по пути еще успеваю сдать свою сумку в камеру хранения. Траурная служба кончается около 11 часов вечера. Куда же мне идти? По старой памяти решаю ехать к гостиничному комплексу "Золотой колос", расположенному в районе ВДНХ, - туда по вечерам подходят местные жители, предлагая квартиру или койку на несколько дней. Когда я доехал до "Золотого колоса", часы показывали 23.30. Большинство корпусов /гостиница состоит, если не ошибаюсь, из 8 корпусов/ закрыто. Швейцары не впускают в помещение, на входных дверях висят надписи: "Вход только по пропускам". Как еще не придумали требовать пропуска в общественные туалеты. Мне удастся все-таки пробраться в вестибюль одного корпуса, но администраторша даже не желает со мной говорить.

Слоняюсь от корпуса к корпусу. В тени деревьев стоят небольшие группы людей - подхожу к одной из них. Пожилые женщины, видно местные, по всей вероятности, ищут клиентов. Спрашиваю, не сдадут ли комнату на несколько дней. Но, видно, не внушаю я им доверия, что-то им не нравится, отвечают скороговоркой: "Нет никакой квартиры". Одна из женщин решает сострить: "Есть целый дом, вам сколько комнат надо?" Но мне не до шуток. Скоро 12 часов ночи, а перспектива у меня спать на вокзале или на садовой скамейке, последнее, впрочем, не подойдет, все равно милиционеры не дадут поспать. Размышляя таким образом, я подошел к одному корпусу, невольно став свидетелем одной грустной сценки, которая если не потрясла меня - увы, у меня слишком богатый опыт в отношении бездушия, хамства, подлости, проявляемых некоторыми особями, принадлежащими, к сожалению, к роду человеческому, - то, во всяком случае, покорила душу. У дверей одного из корпусов я заметил мужчину лет 45 с маленькой девочкой, уснувшей у него на руках. По одежде и разговору я принял его за узбека. Мужчина просил швейцара впустить его в помещение: "Меня гоняют из корпуса в корпус, - жаловался он, -

впустите хоть вы, разве вы не люди, ведь видите, что у меня дочь на руках". Швейцар в ответ острит: "А у меня сын, ха-ха-ха. Много здесь всяких просится, что, я всех должен пускать?" Узбек бредет /видно, ему уже тяжело нести девочку на руках/ к другому корпусу, проклиная московское гостеприимство. Чем я могу ему помочь, выругать швейцара? Это делу все равно не поможет, этой особи не внушишь, что такое совесть.

Р а з м ы ш л е н и я

Примерно в эти же дни в Советском Союзе гостила американская девочка Саманта СМИТ. И в Москве, и в Крыму ей и ее родителям, очевидно, были предоставлены неплохие жилищные условия. Ей рассказывали о гуманизме и миролюбии коммунистической системы. Но интересно знать, как бы реагировала она, да и другие маленькие американцы, узнай они об истории, случившейся с их маленькой узбекской сверстницей. Интересно также знать, имеют ли проблемы с устройством в гостиницах Вашингтона, скажем, негры Соединенных Штатов? Если не имеют проблем, тогда что же мы - хуже негров? Еще вопрос: почему советским гражданам, приезжающим в Москву, труднее устроиться в гостиницах, чем иностранцам. Я отнюдь не против того, чтобы сюда приезжали иностранцы - чем больше их приедет и чем больше советских граждан выедет отсюда, тем лучше. Но почему я не могу остановиться, например, в гостинице "Космос", на одном этаже с французами, англичанами, неграми?

Сколько неудобств пришлось мне терпеть за последние 7 лет из-за того, что я не мог найти пристанища в московских гостиницах. Однажды ночью, вот так, как сейчас, оставшись на улице без жилья, я взял адрес у швейцара злополучного "Золотого колоса". Сдавалась комната на окраине Москвы, в Медведково. Я не привередничал, лишь бы была койка и крыша над головой, заплатил хозяину за несколько дней вперед. Но тот оказался хроническим алкоголиком. На 3-й день он напился до чертиков, приревновал меня к своей жене, которую я мельком видел всего один раз, и вломился ко мне в комнату с топором. Я в это время спал. К счастью, меня разбудили крики соседок, пытавшихся остановить ревнивца-алкоголика. Мне удалось отнять у него топор, но, не проснись я вовремя, кто знает,

чем бы все кончилось. В другой свой приезд в Москву, в 1976 году¹, мне никак не удалось устроиться в городе - пришлось снять комнату в подмосковной деревушке Опалихе. Место дачное - рядом сосновый лес, должно быть, летом там неплохо. Но дело было зимой, электрички в Москву ходили плохо: пути заносило снегом и их не успевали расчищать. Автобусы тоже ходили нерегулярно. Пока доберешься до города, уходило много времени. И все эти трудности с жильем существуют в то время, когда в Москве есть немало нуждающихся, готовых сдать комнату или угол. Но парадокс заключается в том, что они не имеют права сдавать комнату, кому хотят.

В то время неподалеку от станции метро "Проспект Мира" собирались так называемые квартиросдатчики и квартиросъемщики, т.е. люди, желающие сдать или снять комнату. Это было нечто вроде неофициального квартирного бюро. По выходным дням на небольшой площадке собиралось до нескольких сот человек - приходили и те, кто хотел обменять квартиру. До того, как я поселился в Опалихе, я несколько раз посещал эту биржу, но безрезультатно. Одна старушка прямо сказала мне: "Я бы впустила тебя, но нас предупреждают, что мы имеем право впускать на квартиру только военных или студентов". Другой мужчина признался мне, что раньше он сдавал комнату без всякой дискриминации, лишь бы деньги платили, но его предупредили, что его ждет 101-й километр /высылка из Москвы за 101 километр/, если он не прекратит этого делать. Раз я услышал разговор двух старушек, одна спрашивала другую: "А что, грузинам разве тоже можно сдавать квартиру?"

Почти в каждый свой приезд в Москву у меня возникали проблемы с жильем. Иногда приходилось ночевать на диване в гардеробной гостиницы /по договору со швейцаром/, а то и прямо на поставленных в два ряда стульях. Раз долго уговаривал я администратора гостиницы "Алтай" предоставить мне номер хоть на одну ночь, но она ни за какие деньги не соглашалась. Время было позднее, 1-й час ночи, на улице трескучий мороз, а швейцар требует освободить вестибюль /аналогичный эпизод есть в кинофильме "Мимино"²/. Нас было несколько неудачников, собравшихся в вестибюле, и, конечно, никто из нас не подумал выполнить требование швейцара. В ту ночь мне пришлось

1. См. также с.17-18.

2. "Мосфильм", 1977, реж. - Г.Данелия.

спать прямо в кресле. Я могу продолжить рассказ о своих злоключениях/и на частных квартирах, но на этот раз ограничусь сказанным.

Вернемся к моей последней поездке. Мне все-таки удалось тогда переночевать на квартире: мир не без добрых людей. Вскоре после грустного происшествия с узбеком ко мне подошел один довольно доброжелательный человек и предложил комнату в центре Москвы. Но нужен был еще один человек - комната была на 2 койки, по 5 р. за койку. Второй бездомный тут же нашелся, и мы поехали на квартиру, так удачно подвернувшуюся нам.

Почти весь следующий день я провел в синагоге. Ночевал в той же квартире. На 3 день я поехал навестить одного моего знакомого-отказника, назовем его Н. В отказе этот человек находится вот уже 12 лет. Мотивировка отказа - допуск к секретной информации. Хотя этот человек уволился с места работы еще перед подачей документов на выезд, никто не сообщает ему, когда кончится срок этой пресловутой секретности. Поговорив с Н, я вышел на улицу: мне нужно кое-что купить, поэтому я решил, не теряя времени, ехать в город. Не отошел я и 100 метров от дома Н, вижу, прямо на меня идет милиционер, я понял, что он хочет мне что-то сказать. Но мне не до него. Чтобы быстрее добраться до троллейбусной остановки, я начинаю перерезать двор по диагонали, милиционер остался где-то справа. Вдруг слышу: "Молодой человек, ваши документы". Для верности я посмотрел вокруг - никого, помимо нас, поблизости нет. Что ему от меня надо? Делать нечего, протягиваю паспорт. На вид милиционеру лет 25, высокий, самоуверенный, смотрит подозрительно, на груди портативный радиопередатчик. Просмотрев паспорт, он начинает допытываться: "Когда приехали в Москву? Каким рейсом? На сколько дней приехали? Где остановились?" Нетерпеливо отвечаю в надежде, что милиционер скоро отстанет от меня. Но вопросы продолжают сыпаться: "Почему в паспорте нет временной московской прописки? Почему нарушаете паспортный режим?" - "Но ведь я лишь вчера приехал. Тех людей, у кого я собирался остановиться, нет в городе; когда бы я успел прописаться?" - "А у кого вы собирались остановиться? Где ночевали?" Мне надоедает все это, спрашиваю:

"А почему, собственно, вы мне устраиваете допрос, остановили на улице, как будто я нарушил порядок?" Милиционер только этого и ждет. С важным видом кладет мой паспорт в планшет, заявляет: "Ну, раз вы не желаете отвечать на мои вопросы, поедем в отделение милиции, там разберемся". Он включает рацию, вызывает оперативную машину, прося подвезти нас в отделение. Но те, в машине, советуют ему идти пешком. Милиционер недоволен. Он звонит из ближайшей телефонной будки куда-то, а мне предлагает тоже войти в будку, чтобы я не убежал. Я успокаиваю его, объясняя, что не собираюсь оставлять свой паспорт. Милиционер по телефону объясняет своему начальству обстановку, просит дальнейших указаний. Видимо, на том конце провода требуют, чтобы он сам доставил меня в отделение милиции. До отделения же идти не так уж и близко - быстрым шагом мы добираемся минут за 20. В дежурной комнате нас встречают несколько милицейских офицеров. Начальник 50¹отделения г. Москвы капитан ЧЕРТКОВ /его фамилию я потом прочел на рапорте, который составил задержавший меня милиционер/ набрасывается на меня, не давая мне раскрыть рта - точно так набрасывается злой пес, заведя незнакомого человека в хозяйском дворе. Едва взглянув на мой паспорт, он орет: "Вы зачем приехали в Москву? Урюком торговать? Нечего вам здесь делать". /Среди московских великодержавных шовинистов широко распространено мнение о том, что из Грузии люди приезжают в Россию для того, чтобы торговать мандаринами, спекулировать./ Таким избитым приемом ЧЕРТКОВ пытается запугать меня. Для чего это ему нужно? Сделав вид, что не замечаю откровенного хамства, спокойно отвечаю: "В Грузии нет урюка". ЧЕРТКОВ продолжает орать: "Почему оказались в нашем районе? В "Березку" ходили?" - "А что, преступление находится в вашем районе? Можно подумать, будто я нарушил советскую государственную границу или забрел на территорию военной базы". ЧЕРТКОВ, как попугай, повторяет: "Нечего вам делать в Москве. Почему приехали? Почему не на работе? Вот оформлю документы, посажу за бродяжничество". - "Ничего вы не оформите. Я в отпуску до 1 сентября, еду, куда мне нужно. Или Москва закрытый город?" - "А где справка о том, что вы в отпуску?" - "Для чего мне справка? Если вы мне не верите, можете позвонить в Тбили-

1. В получ. копии "№50".

си", - я называю адрес моей работы. ЧЕРТКОВ тупо смотрит на меня, сбавляет тон, но продолжает что-то бубнить про урюк и "Березку". На этом его миссия заканчивается. В комнате появляется новое действующее лицо - капитан СЕРГЕЕНКО. У него хитрое, настороженное лицо, уши наострены, как у овчарки, готовой взять след. ЧЕРТКОВ выходит из комнаты, вопросы начинает задавать СЕРГЕЕНКО: "Когда вы приехали в Москву?" Конечно, я могу отказаться отвечать, но тогда неизвестно, сколько времени мне придется провести в отделении. Терять же время попусту мне нет смысла и потом интересно узнать, что стоит за всей этой инсценировкой. Поэтому решаю отвечать: "Вчера". - "Каким рейсом? Откуда?" - "Из Адлера, № рейса не помню". - "А вы вспомните". "Не то 1018, не то 1020". СЕРГЕЕНКО пытливо смотрит, не лгу ли? "Где ночевали?" - "На Курском вокзале". "Цель вашего приезда?" - "У меня отпуск, решил несколько дней побыть здесь. Разве это запрещено?" - "Почему оказались в нашем районе?" Опять этот вопрос, почему их так интересует этот район? Так как ничего криминального я в этом не вижу, отвечаю: "Навестил знакомого". - "Кого?" Называю. СЕРГЕЕНКО загадочно улыбается, говорит, что знает Н: "Мы неоднократно беседовали с ним, - заявляет капитан, - можете сообщить своему приятелю, он помнит меня". Картина наконец начинает проясняться. Как и все отказники, Н конечно находился под неусыпным наблюдением органов - видимо, по их поручению проводил СЕРГЕЕНКО "неоднократно" беседы с ним. Не исключено, что меня "засекли" во время посещения квартиры Н. Отсюда и этот настойчивый вопрос, почему я оказался в этом районе. СЕРГЕЕНКО продолжает: "Кто еще находился в комнате во время вашего разговора?" - "Никто". СЕРГЕЕНКО недоверчиво улыбается: "Так никого и не было?" Видимо, он и его шефы подозревают, что я на квартире Н встречался с каким-то третьим лицом. "Если вы мне не верите, то нечего спрашивать". - "О чем вы разговаривали?" - "Ничего не значащий общий разговор". - "Сколько минут вы разговаривали?" - "Времени не отмечал, может быть, минут 30". - "Откуда вы знаете Н?" - "Как откуда? Я в Москве не его одного знаю, может быть, вы и про них будете спрашивать?" - "Спросим, если понадобится. Так откуда вы все-таки его знаете? Где вы познакоми-

лись?" - "Не помню. Какое это имеет значение?" Наконец СЕРГЕЕНКО соображает, что дальше вести допрос бесполезно.

У меня с собой был небольшой чемоданчик типа дипломат, в нем находился молитвенник, предметы религиозного культа. Капитан СЕРГЕЕНКО предлагает мне показать содержимое чемоданчика. Осмотрев вещи, он хитро улыбается: "Понятно. Деньги есть?" Я показываю деньги. "Сколько будет?" Называю сумму. Во время допроса СЕРГЕЕНКО вел протокол. Закончив писать, он дал его мне прочесть, а сам вышел из дежурки. Уходя, он поручил дежурному офицеру, капитану АЛЕКСАНЯНУ, следить за мной.

III

Мне остается ждать. Согласно УК, для опознания личности милиция может задержать человека до 3 часов. Дальше или должно быть предъявлено обвинение, или подозреваемого должны отпустить. Впрочем, это все формальности: если милиции нужно, то они и большее время держат человека без всякого обвинения.

От нечего делать я стал присматриваться к другим задержанным, находящимся в отделении. В небольшой комнате типа ниши, отгороженной от дежурки барьером, держали двух рабочих-железнодорожников. Эти ребята были не то с похмелья, не то выпившие, почти не переставая, они громко требовали, чтобы их отпустили: "Нашли преступников тоже, за что держите?" - шумели они. Из их слов я понял, что задержали их по той же причине, что и меня, - нет московской прописки. Работают они где-то под Москвой, но бухгалтерия и касса находятся в городе, поэтому за зарплатой они ездят в Москву. И вот ретивые блюстители дисциплины хватают их на улице за то, что они в рабочее время разгуливают, и доставляют их сюда. Спрашивается, как они могли получить полагающиеся деньги, не приехав в столицу мирового пролетариата? На место их работы деньги не привозят, они постоянно получали деньги в Москве, а теперь получается, что это есть нарушение дисциплины. Сплошной абсурд.

Уже после меня в отделение привели двоих жителей г.Поти, мужа и жену. В чем их обвиняли, у не успел расспросить - их довольно быстро увели на 2 этаж, где расположены комнаты следователей.

Скорее всего, их тоже забрали из-за прописки. Вид у них был расстроенный, недоумевающий, в глазах - немой вопрос: "Что же это творится?" Действительно, что же это творится? Весной этого года в ГУМе была задержана группа грузин. Обвинив их в том, что они находятся за пределами республики в то время, как должны быть на работе, их выслали из Москвы. А в это время лучшие санатории и дома отдыха курортов Грузии переполнены высокопоставленными московскими чиновниками, и никому в голову не приходит останавливать их на улице и требовать документы.

Затем привели двоих братьев - азербайджанцев из Кировабада¹. Их задержали при выходе из валютного магазина "Березка", где они приобрели 3 пары импортной обуви. /Это тоже криминал?/ Дежурный капитан АЛЕКСАНЯН все пытался выведать у них, знают ли они кировабадца по кличке "япончик", но они с возмущением отрицали какое-либо знакомство с ним.

После азербайджанцев привели двух гречанок из Цалки /местечко недалеко от Тбилиси/. Девушки приехали в Москву поступать в институт - в доказательство своей правоты они принесли в милицию аттестаты зрелости и другие документы, требуемые для поступления в институт. Все "преступление" этих девушек заключалось в том, что они две недели проживали в Москве без прописки. Их никто не допрашивал, их ввели в дежурку и оставили стоять, ничего не объясняя. Когда одна из девушек захотела выйти во двор, сержант, стоящий в дверях, грубо запретил ей это. Как будто она была какой-то преступницей.

Р а з м ы ш л е н и я

Между тем настоящие, матерые преступники разгуливают по Москве и другим городам страны. Например, более полугода назад в Кутаиси среди бела дня на перекрестке оживленных улиц был убит известный в городе журналист 70-ти лет, и до сих пор милиция проявляет удивительную беспомощность при поимке преступника. А сколько дерзких убийств, ограблений происходит по стране? А каков процент раскрываемости преступлений? Об этом статистика молчит. Зато приставать на улице к мирным гражданам с требованием предъявить документы - это сотрудники милиции умеют. Передо мной статья "Третий

1. В получ. копии "Кировабада".

суд", опубликованная в "Известиях" за 14/08-1983 г. В ней рассказывается о том, как милиционеры остановили на улице двух молодых людей, потребовав у них паспорта. Так как у одного из ребят при себе не оказалось документов, обоих забрали в милицию, хотя ближе было бы поехать на дом к этому парню за злополучным паспортом. В милиции никто этими ребятами не заинтересовался. С наступлением ночи их стали загонять в камеру. Один из парней отказался зайти в камеру, потребовав, чтобы с ними разобрались и выпустили из милиции. Тогда на него набросилось несколько милиционеров, свалили на пол, кто-то вывернул ему ногу в колене. Парень остался на всю жизнь инвалидом. И чтобы покрыть преступление, РОВД милиции¹, где это произошло, возбудил уголовное дело против своей жертвы, обвиняя ее в сопротивлении властям; дело тянется более двух лет, трижды рассматривалось в суде, а конца ему все не видно. И все это происходит не в бериевские времена, а в наши дни.

Но вернемся в 50 отделение милиции г.Москвы. Железнодорожники продолжают шумно протестовать против незаконного задержания. Наконец кто-то звонит АЛЕКСАНЯНУ, разрешает их освободить. Перед тем как выпустить, АЛЕКСАНЯН обыскивает их, отнимает у одного перочинный нож. Владелец ножа возмущается, ведь этот нож куплен в магазине, зачем же его продают, если милиция отбирает? На это АЛЕКСАНЯН отвечает: "Поговори у меня, сейчас составлю акт и загремишь на 15 суток за хулиганство". Такая перспектива не устраивает железнодорожника - он молча покидает отделение.

Теперь я обращаюсь к АЛЕКСАНЯНУ, чтобы он напомнил своему начальству обо мне: "До каких пор собираетесь меня держать здесь?" АЛЕКСАНЯН куда-то звонит. Появляется СЕРГЕЕНКО. "Если вы меня в чем-то обвиняете, - говорю ему, - предъявите обвинение, если же не в чем обвинить, то отпустите". СЕРГЕЕНКО отвечает, что не от него зависит мое освобождение. "Вы сами знаете, от кого это зависит, - говорит он многозначительно, - может быть, с вами захотят побеседовать. Вы не ждете, чтобы с вами побеседовали?" - "Нет, не

1. Так в получ. копии.

жду". СЕРГЕЕНКО исчезает. Появляются какие-то типы в штатском: держатся начальственно - гегемоны. Таких гегемонов можно встретить прогуливающимися перед главным фасадом Лубянки на площади Дзержинского. Штатские бросают на меня косые взгляды. АЛЕКСАНИЯ просит меня открыть мой чемоданчик, показать его содержимое. Он берет в руки "Молитвенник". "Любовь мира", - читает он вслух, - Вы что, это читаете?" - "Да, читаю". - "Издание канадское?" - "Да". Один из штатских подходит к нам, берет книгу, листает, спрашивает меня: "Текст соответствует отечественному?" - "Да". Штатские уходят. АЛЕКСАНИЯ вновь кому-то звонит. Ему отвечают, чтобы он вернул мне паспорт и отпустил. Продержали меня примерно 3 часа. Никто за задержание не извинился.

Выйдя из отделения, я решил вернуться к Н, предупредить его о случившемся, о намеках СЕРГЕЕНКО. Н я встретил в дверях квартиры - он направлялся в город по делам. Мы выходим вместе. Возле дома встречаем группу милиционеров с портативными рациями и штатских - всего 6 человек /двое из них - женщины/. Милиционеры улыбаются нам, как старым знакомым, Н знает их - это постовые из 50 отделения. На этот раз они не останавливают меня, но мои встречи с московской милицией на этом не заканчиваются. На следующий день я заехал на Рижский вокзал за сумкой, оставленной мной в камере хранения. Не успел я войти в здание вокзала, как ко мне подошел милиционер: невзрачный такой, сними с него мундир - обыкновенный деревенский парень, ему бы клюкву в брянских лесах собирать, а он тоже к власти тянется. А теперь при мундире - он должностное лицо, и хочется мне или нет, а нужно остановиться и разговаривать с ним. Милиционер козыряет: "Ваши документы". Протягиваю ему паспорт. Он листает красную книжицу, но, видно, не это его интересует, спрашивает: "Вы что уезжаете отсюда?" - "Нет". - "Сколько дней находитесь в Москве? Что здесь делаете?" И этому надо знать, что я делаю в Москве. Не отвечать ему значит опять попасть в отделение милиции, опять допрос, пустая трата времени - им, видно, делать нечего, а мне? Приходится отвечать: "Приехал сюда за вещами". - "А потом куда?" - "На Курский вокзал". - "Что оттуда уезжаете?" - "Да". Милиционер вновь берет под козырек, возвращает

мне паспорт: "Счастливо доехать". Нужно мне его напутствие.

Ночным адлерским поездом, по горло сытый московским гостеприимством, уезжаю из Москвы.

Чтобы не ехать в поезде в субботу и тем самым не нарушать ее, беру билет до Ростова. В Ростов прибываю в пятницу часа за полтора до захода солнца. Места в гостинице даже не пытаюсь искать - все равно без протекции не достать. Ночевать остаюсь на вокзале. И здесь мне вновь пришлось столкнуться с представителями органов. Как все-таки изменилась ситуация в стране за последние 10 месяцев. Сильно смахивает все это на чрезвычайное положение, правда не объявленное. Многие делается сейчас без объявления, без лишнего шума. Например рост цен: на самые различные товары меняется этикетка и вот уже появляется новая цена. В газетах об этом почти ни слова.

В зале ожидания я пристраиваюсь на длинной скамейке, обитой дермантином. Справа сидят девушки-латышки, слева кто-то во всю длину растянулся на скамье. Мест свободных нет. Люди лежат и на деревянных рамах, закрывающих отопительные батареи. Хочется спать. Но уснуть в таких условиях - сидя, опираясь лишь на спинку скамьи не могу. Рассматриваю лица окружающих: озабоченные, усталые, настороженные. Примерно в 12 часов ночи в зале появляются трое в штатском. Тот же начальственный вид, что и у упоминавшихся мною гегемонов. Вот они подходят к пареньку в красной футболке, мирно спящему на деревянной раме, бесцеремонно будят его: "А ну, чего разлегся здесь? Документы!" Паренек спросонья не понимает, в чем дело, затем суетливо начинает рыться в карманах, видно, что эта проверка для него неожиданна. Порывшись в карманах, он обнаруживает, что документов при себе не имеет. Он объясняет гегемонам, что документы у его родственника, который находится в другом конце зала. В сопровождении одного из штатских паренек идет за документами к своему родственнику. Двое оставшихся гегемонов продолжают будить людей. Покончив со спящими, начинают требовать документы у бодрствующих. За мной сидят трое молодых ребят-грузин. Гегемоны подходят к ним, требуют документы, тщательно сверяют фотографии на паспортах с их лицами.

В общей сложности проверке подверглись человек 15. Самое интересное то, что ни один из тех, у кого спрашивали документы, не спросил у гегемонов, а собственно, по какому праву проводится проверка? Кто уполномочил их проводить ее? Ведь никаких знаков отличия - формы или повязок дружинников - у гегемонов не было, одеты примерно так же, как и остальные граждане. От остальных людей их отличал лишь особый гонор, так смахивающий на гонор "воров в законе". Но ведь гонор - это не доказательство полномочий. Этак любой смертный может вздумать требовать документы у граждан.

Примерно в январе-феврале этого года в Тбилиси тоже появились группы гегемонов. Без предъявления каких-либо удостоверений личности они стали останавливать на улицах прохожих, требовать у них паспорта, допытывать их стереотипными вопросами: "Кто ты? Где работаешь, почему в рабочее время находишься на улице, адрес работы?" Некоторых задержанных сажали в машины и отвозили для проверки на место работы. Первое время люди безропотно подчинялись столь бесцеремонному обращению. Но потом стали твориться совсем непонятные, загадочные вещи. Нескольких женщин какие-то штатские с микрофонами под предлогом проверки документов и места работы усадили в автомашины, вывезли за город и обчистили: сняли с них дубленки, лайковые плащи, драгоценности, отобрали деньги. Примерно в это же время группа неизвестных ограбила ювелирный магазин в г. Рустави /в 20 км от Тбилиси/. Почерк преступников был тот же: войдя в магазин, они стали требовать у посетителей документы, а когда люди в страхе разбежались, достали пистолеты и под угрозой применения оружия заставили продавцов выложить на стол драгоценности и выручку. Было ли раскрыто это преступление или нет, неизвестно. В городе складывалась напряженная ситуация. Люди боялись даже в перерыв появляться на опустевших улицах. Послышались вопросы, нет ли связи между теми штатскими, кто проверяет документы на улицах, и теми, кто вывозит женщин за город и нагло грабит. Наиболее стойкие из граждан стали требовать у проверяющих удостоверения, уполномочивающие их проводить проверки, и в один прекрасный день проверяющие исчезли с улиц Тбилиси, словно химеры. В настоящий момент

больше не слышно об открытых, наглых задержаниях на улицах, хотя не исключено, что скрытое терроризирование населения продолжается. Естественно, возникает вопрос: Для чего проводились эти массовые задержания и кем они санкционировались? Для того, чтобы заставить людей работать, приучить их к дисциплине? Но римских рабов, например, надсмотрщики заставляли работать из-под плетки, однако хорошо известно, чем все это кончилось. Людей невозможно заставить работать, как сейчас пишут, "с полной отдачей", не заинтересовав их материально. В противном случае они будут работать так, как им платят. Если кто не понимает этого, то это не от избытка ума.

Кем санкционировались задержания? Этот вопрос пока остается открытым.

IV

Для того чтобы пролить свет на историю, приключившуюся со мной этим летом в Москве, мне нужно будет вспомнить две другие истории, происшедшие также со мной и тоже в Москве, но несколько лет назад. Они должны дать ответ на следующие вопросы: Почему с такой злобой набросился на меня ЧЕРТКОВ? Ведь он видел меня впервые /ни на кого из задержанных, кроме меня, он не кричал/. Зачем так подробно допрашивал меня СЕРГЕЕНКО? Почему его интересовало содержание моего разговора с Н., присутствовал ли кто-либо третий при нашем разговоре? Сколько времени продолжалась наша беседа? И так далее...

...В декабре 1976¹ г. в Москве состоялся симпозиум по проблемам еврейской культуры в СССР. За день до начала симпозиума я навестил Н. Мне всегда было интересно беседовать с ним: он свободно владеет ивритом, компетентен в вопросах иудаизма, переводит комментарии толкователей Библии, те трудные места, которые сложно понять. Итак, я поехал к Н. Поднявшись на лифте на нужный этаж и выйдя из кабины, я обнаружил в коридоре странную группу людей, среди которых был один в милицейской форме. По тому, как они на меня подозрительно уставились, я понял, что они здесь неспроста. Не обращая на них внимания, я направился к квартире Н. Тогда руководитель группы, такой плюгавый тип /лицом и фигурой он сразу

1. 21.12.76. О симпозиуме см. сб. док-тов "Белая книга" (Еврейский самиздат", т.15, Иерусалим, 1978); заявление участников симпозиума в ЦК КПСС см. там же, с.68-70, АС №2956.

мне напомнил ГЕББЕЛЬСА/, требовательно обратился ко мне с вопросом: "Куда вы идете?" Я назвал номер квартиры. Плюгавый говорит заговорщически: "Вы знаете, что там происходит нечто чрезвычайное?" Я спрашиваю с деланным недоумением: "Чрезвычайное? А что именно?" Плюгавый не находит слов, чтобы объяснить мне смысл того "чрезвычайного", что происходит в квартире Н. После небольшой паузы он только спрашивает: "Вы все-таки пойдете туда?" - "А вы что, помешаете мне?" - "Нет, но учтите..." - говорит он со скрытой угрозой. Я не хочу учитывать и прохожу в квартиру Н. Оказывается, эти штатские устроили Н домашний арест: не разрешают ему выходить на улицу. Как потом выяснилось, этот арест был связан с намечающимся открытием на следующий день симпозиума. Выйдя из квартиры, я вновь столкнулся в коридоре с той же группой. Плюгавый демонстративно входит за мной в кабину лифта; молча, глядя в глаза друг другу, мы спускаемся вниз. Плюгавый провожает меня до троллейбусной остановки - он идет за мной шагах в пяти.

На следующий день Н не пришел на симпозиум. Гегемоны, всю ночь дежурившие у его дверей, не дали ему выйти из дому. Домашнему аресту были подвергнуты также многие другие московские евреи, собиравшиеся присутствовать на симпозиуме. Евреи, приехавшие из других городов, были высланы по месту жительства. Симпозиум, однако, состоялся: на нем присутствовало человек 70. Помню, мое внимание привлек Анатолий ЩАРАНСКИЙ, этот современный ДРЕЙФУС. Меня удивило отличное знание им английского, тот беглый разговор, который он вел с инкорами.

Какие-то неизвестные в штатском, правда, пытались помешать ходу симпозиума: периодически они громко стучали в дверь квартиры, где мы собрались. Двери "неизвестным" не открыли, а вламываться в квартиру¹ они, видимо, не имели разрешения. На улице возле дома, где проходил симпозиум, стояло несколько черных "Волг" с антеннами на крышах. Между машинами и подъездом дома озабоченно сновали все те же "неизвестные", они запрокидывали головы вверх, разглядывая окна нашей квартиры. Но в общем все прошло благополучно. При выходе из квартиры никто из нас не был задержан. Еще

1. Квартира Григория Розенштейна.

об одном случае нужно вспомнить для того, чтобы понять, почему так враждебно встретила меня московская милиция в мой последний приезд в столицу мирового пролетариата. Произошел он в ноябре 1977 г. В это время я интенсивно искал путь, через который я смог бы выбраться из большевистской России. Я решил проникнуть в бельгийское посольство в Москве для того, чтобы с помощью бельгийцев выехать из страны.

Почему я выбрал бельгийское посольство для осуществления своей цели? Дело в том, что у меня дед был бельгийцем – еще в царское время он приехал на Кавказ, где служил во французской горнорудной концессии "Манесс". Здесь он женился. В Брюсселе и сейчас живут мои родственники, и это, по моему мнению, должно было положительно подействовать на бельгийских дипломатов. Я слышал, что посольство находится в Хлебном переулке. Нужно было действовать осторожно: ведь милиция и КГБ ведут круглосуточные наблюдения за иностранными посольствами, не разрешая рядовым советским гражданам посещать их. У каждого посольства стоит будка с дежурным милиционером, а у американского прямо перед самым зданием частенько прохаживаются милицейские офицеры, внимательно всматриваясь в лица прохожих – как бы те, чего доброго, не рванули вовнутрь. Однажды, помню, они приняли секретаря посольства за советского гражданина: схватили его руку в то время, когда он входил в здание посольства, порвав рукав пиджака. Мне до сих пор непонятно, как это удалось нескольким русским женщинам-баптисткам прорваться в американское посольство /недавно они благополучно выехали из страны/¹.

...Итак, сначала я нашел Хлебный переулок, небольшую улицу между Суворовским бульваром и ул. Палиашвили, в нескольких десятках метров от Калининского проспекта. Несколько раз неторопливо прохаживаюсь то по одной, то по другой стороне переулка. Наконец на одном здании замечаю доску с изображением льва и надписью на английском "Посольство Бельгии". Ворота посольства раскрыты настежь, в глубине двора какое-то двухэтажное строение, перед ним несколько автомашин. Дежурный милиционер выходит из будки, подозрительно смотрит на меня, на лице застыл немой вопрос. Я прини-

1. Самья пятидесятников Ващенко. Лидия прибыла в Вену 6.4.83, Петр с женой и детьми – 27.6.83.

маю безразличный вид, словно меня здесь ничего не интересует, прохожу мимо него. Спустя день-два, чтобы не привлекать к себе внимания, я прохаживаюсь уже по другой стороне переулка, отмечаю, что ворота посольства вновь открыты. Так проделываю еще раз. Наконец, 4 ноября 1977 г. решаю проскочить в посольство. Движение начинаю со стороны улицы Палиашвили - отсюда до посольских ворот путь ближе. День солнечный, небольшой морозец, улица почти пустынная. Ничего не подозревающий милиционер, словно сторожевой пес, сидит в своей будке. Медленно приближаюсь к нему. То ли милиционер что-то почувствовал, то ли ему захотелось подышать свежим воздухом, только он выходит из будки, поглядывая на меня. Лениво оглядываю его: небольшого роста, но не совсем уверенному лицу его можно принять за провинциала. Не убыстряя шага, прохожу мимо него: милиционер силится понять, что я из себя представляю. Вот наконец ворота посольства, спокойно сворачиваю и направляюсь во двор. Милиционер наконец соображает, в чем дело, пытается остановить меня, оторопело спрашивая: "Гражданин, вы куда?" Теперь медлить нельзя, в любой момент он может схватить меня за руку, и, если я вырвусь, мне могут инкриминировать стандартное обвинение - сопротивление представителю власти. Я делаю резкий рывок метров на 60-70 до того двухэтажного здания, что расположено внутри двора. Милиционер лишь успевает крикнуть мне вдогонку: "Бегите, все равно дверь закрыта". Преследовать меня на территории посольства он не может, так как оно пользуется правом экстерриториальности. Одним махом добегаю до здания, дергаю дверь на себя - не открывается, затем от себя - и я уже внутри. Узкая лестница ведет на второй этаж, взбегаю по ней. В небольшой комнате у телефонного аппарата сидят две русские девушки - не то переводчицы, не то телефонистки, - видимо, работают в посольстве по договору. Иностранцы посольства часто прибегают к услугам русских переводчиц, кухарок, шоферов. Вызвано ли это финансовыми соображениями или им навязывают эти "услуги", непонятно.

Девушки смотрят на меня с удивлением, пожалуй, даже с опаской - ведь я буквально влетел в комнату, не могу отдышаться. На-

конец, переведа дух, говорю: "Мне нужно видеть консула". Я предполагал, что они будут мешать встрече, но, видно, это было не в их силах. Одна из них отвечает мне: "Его сейчас нет здесь, но мы его вызовем". Вторая выходит из комнаты. В это время звонит телефон. Девушка берет трубку, смотрит в окно. Я прослеживаю за ее взглядом - на улице перед посольскими воротами стоят две черные "Волги" с антеннами на крышах. Возле машины прохаживаются два офицера милиции, время от времени посматривая в нашу сторону. Видимо, это постовой вызвал подкрепление, и теперь они звонят девушкам для выяснения обстановки. Девушка смотрит на меня и отвечает по-русски лишь "да" или "нет", так что неясно, о чем ее спрашивают. Впрочем, догадаться нетрудно.

Наконец появляется консул. Еще не старый человек, лет 45, говорит вежливо, но чувствуется в нем какая-то настороженность, он ведь не знает, кто я такой и что мне от него нужно. Благо, он довольно сносно говорит по-русски. Я ему объясняю суть дела. Когда я называю ему фамилию моего дяди, проживающего в Брюсселе, он улыбается с явным облегчением: "Я его знаю". Мой дядя долгое время находился на дипломатической службе МИД Бельгии, его знал тогдашний бельгийский посол в СССР, поэтому я рассчитывал на их помощь. "Мне нужно поговорить с послом наедине", - говорю консулу. "Сейчас у него гости, но я выясню, сможет ли он вас принять". Мы выходим во двор, пересекаем его и входим в первое здание, фасадом выходящее на Хлебный переулок. Консул просит меня подождать, а сам поднимается наверх. Спустя некоторое время ко мне спускается жена посла. Она не разговаривает по-русски, переводит консул: "У посла сейчас гости, вы можете говорить мне все, что вам надо". Я говорю ей, что желаю эмигрировать в Бельгию и прошу содействия в этом. "Но мы не можем послать вам вызов, мы не вправе сделать это. Вам может помочь лишь ваш дядя. Пусть он вышлет вызов". Но в том-то и заключается все дело, что мой дядя, как это ни странно, не желает мне помочь. Это тем более странно, что он сам в молодости эмигрировал из России, родился он на Кавказе. Когда пришло время получать паспорт /это было в начале 30-х годов/, он отказался принять советское подданство, тогда это было возможно,

и заявил, что хочет принять подданство родины его отца. Он получил бельгийское подданство, работал несколько лет в посольстве Бельгии в СССР. В 1940 г., после поражения Бельгии в войне с гитлеровской Германией, СТАЛИН разорвал дипломатические отношения с бельгийским правительством и предложил персоналу посольства покинуть пределы России. Таким путем мой дядя оказался за границей. Спустя много лет, когда он приезжал в Тбилиси по туристической путевке, я попросил его прислать мне вызов с тем, чтобы получить возможность легального выезда из СССР. Каково же было мое удивление, когда он наотрез, без всякого объяснения причины отказал мне в этом. Я до сих пор не могу понять причину его отказа, тем более, что его помощь была бы лишь формальной услугой - я не думал оставаться жить у него, так как окончательно собираюсь обосноваться в Израиле. В 70-е годы тысячи людей выехали из СССР под предлогом воссоединения семей. В период нацистского правления многие тысячи выехали из Германии по фиктивным документам. Содействие в этом деле - вопрос гуманности, элементарной порядочности. Тем не менее, как это ни прискорбно мне признавать, мой брюссельский родственник отказывает мне в том, что делают совсем чужие люди из чувства человеческой солидарности...

... Я стараюсь все это объяснить жене посла, но она недоверчиво улыбается, я вижу, что она не верит мне. Дело в том, что она, как и ее муж, лично знакома с моим дядей, долгие годы они вместе работали в бельгийском посольстве в Варшаве. Поэтому ей кажется, что я лгу.

Р а з м ы ш л е н и я

А может быть, ей все это безразлично? Не до меня им, не до моих жалоб, не хотят они осложнений с коммунистами. Как много красивых слов было сказано на Западе после Хельсинкского совещания в защиту прав человека, в защиту Хельсинкских групп в СССР. Когда же КГБ пересажал десятки активных членов этих групп, то вся правозащитная кампания на Западе потихоньку пошла на убыль. Конечно, проблема борьбы с международным терроризмом есть актуальнейшая проблема, нужно всеми силами бороться с бандитами, поднимающими

руку на безоружных людей, но эта кампания не должна заслонять другую немаловажную проблему – проблему прав человека. В сущности, эти обе проблемы взаимосвязаны; ведь террорист, убивая мирных граждан, нарушает основное право человека – право на жизнь. Но и тот, кто медленно убивает правозащитников в тюрьмах, концлагерях и психбольницах, совершает не меньшее преступление.

Но я несколько отвлекся от основной темы моего рассказа. Я вижу, что не могу убедить бельгийских дипломатов. Консул проявляет нетерпение, давая понять, что аудиенция закончена. Прощаясь с женой посла, она любезно улыбается, но мне от этого не легче. Мы с консулом выходим во двор. Два грузных офицера милиции прохаживаются по улице метрах в 20 от нас, бросают на нас косые взгляды, они ждут, когда я покину территорию посольства. Указывая на них, я говорю консулу: "Вот видите, они поджидают меня. Как только я выйду на улицу, они меня арестуют". Меня интересует реакция консула. Его лицо выражает испуг, но, увы, не за меня – он также, как и жена посла, боится осложнений с советскими властями. "А вы что, хотите остаться здесь?" – с опаской спрашивает он меня. Мне становится грустно, неловко за него, я заверяю его в том, что не собираюсь просить политического убежища. Мне больше нечего делать здесь – я покидаю территорию посольства. Как только я выхожу на улицу, ко мне подходит майор милиции, преграждая путь. Однако до тех пор, пока за нами наблюдает консул, майор не трогает меня, лишь тихо говорит: "Остановитесь". Видимо, инструкция не позволяет ему арестовывать меня на глазах иностранного дипломата. Какое-то время консул и майор смотрят друг другу в лицо, затем консул отворачивается и входит в дом. Майор тут же требует у меня паспорт /излюбленный ход милиции/. Отобрав паспорт, он садится в машину, предлагая и мне последовать его примеру. Спорить было нецелесообразно, тем более, что к нам подходит еще несколько милиционеров. С нами в машину садится еще один майор, и мы едем в ближайшее отделение милиции. В отделении я отказываюсь разговаривать с майором, объяснив, что буду разговаривать лишь с представителем

КГБ. Майор обижается, уверяет меня в том, что он уполномочен разбираться в тех случаях, которые касаются охраны иностранных представительств. "Вы слышали об 11 отряде МВД?" – многозначительно спрашивает он меня. Нет, я не слышал об этом отряде. "Так вот, мы из этого отряда, – вновь говорит он торжественным голосом, – все, о чем вы хотите заявить представителю КГБ, можете говорить мне". Однако я настаиваю на своем. Майору не остается ничего иного, как выполнить мое требование. Примерно через полчаса в комнату входит довольно невзрачный молодой человек, на улице его можно было бы принять за студента или мелкого служащего. Он показывает мне удостоверение сотрудника КГБ, но показывает его в перевернутом виде и всего несколько секунд. Я успеваю лишь разглядеть буквы "КГБ", а фамилию владельца прочесть не успеваю. Как же бояться наследники ШТИРЛИЦА разглашать свою принадлежность к ЧК.

Я объясняю гэбисту¹, что оставил у своих друзей заявление для прессы; если меня не освободят до конца дня, это заявление будет передано западным корреспондентам и не исключено, что оно будет зачитано радиоголосами, а также опубликовано в печати. Гэбист улыбается: "Ну, так сразу вздумали передавать заявление. Хорошо, я сообщу начальству, да и в Тбилиси нужно навести о вас справки. Ждите". На время он оставляет меня, в комнату входит человек в белом халате, в очках. Я довольно хорошо информирован об использовании КГБ психиатрии в своих целях, об институтах им.Сербского, Павлова и прочих подобных заведениях, поэтому меня не удивило появление человека в белом халате. "Вы психиатр?" – спрашиваю я у вошедшего. "Нет, я психолог", – поправляет он меня. Он спрашивает меня о мотивах, побудивших меня посетить посольство, спрашивает, почему я не пожелал разговаривать с работником МВД, а вызвал гэбиста. Перед уходом он задает еще вопрос: "Если вас освободят, согласитесь ли вы уехать в Тбилиси?" Я отвечаю утвердительно. На этом мы расстаемся. В дверях появляется улыбающийся гэбист: "Звонили мы в Тбилиси, – сообщает он, – оказывается, наши там знают о вас". – "А вы что думали?" – "Если мы отпустим вас, поедете домой". – "Поеду, но не забывайте, до этого я должен позвонить моим друзьям, предупредить их, чтобы они не передавали моего заявления

1. В получ. копии здесь и далее "гбисту".

корам". - "Хорошо, мы предоставим вам возможность позвонить. А теперь дайте мне деньги на билет". Взяв деньги, гэбист уходит, оставив меня под присмотром дежурного лейтенанта милиции БУЛОЧКИНА. Тот требует от меня, чтобы я написал объяснительную. "Какую объяснительную?" - "Ну, как все произошло". - "А что произошло?" - "Вы сами прекрасно знаете, пишите, чего спорить". - "Мне нечего писать, если вам нужно, сами пишите". На этом мои объяснения с БУЛОЧКИНЫМ заканчиваются. В дежурке появляются типы в штатском, словно невзначай разглядывают меня, затем проходят в кабинет следователя. Двое из этих штатских сопровождали меня потом в поезде до Тбилиси. Наконец, часов в 10 вечера появляется знакомый гэбист, сообщает мне, что билет взят на ереванский поезд, отправляющийся в 12 часов ночи. "А теперь вы можете пойти позвонить своим друзьям, - говорит он, - но не задерживайтесь, я буду ждать вас здесь. Я отвезу вас на вокзал". Звонить, собственно говоря, мне не к спеху. Тот человек, у которого находится мое заявление, должен передать его корам лишь в том случае, если я в течение 3 суток не дам ему знать о себе. Тем не менее я выхожу на улицу. Для вида захожу в телефонную будку, набираю какой-то номер, но тут же даю отбой, что-то говорю в трубку. Мне нужно узнать, есть ли за мной слежка. Прохаживаюсь по узким арбатским переулкам, неожиданно резко сворачиваю в проходной двор, останавливаюсь в тени арки. Через несколько секунд быстрой походкой во двор входит шустрый молодой человек, обеспокоенно оглядывается по сторонам, заметив меня, останавливается неподалеку, будто разглядывает стоящий рядом автомобиль. В 11 часов вечера возвращаюсь в отделение милиции. Гэбист радушно улыбается мне. Без 15 минут 12 к дверям отделения подкатывает черная "Волга" ГАЗ-24. Мы быстро усаживаемся в машину, и шофер гонит на Курский вокзал. На место мы прибываем минуты за 3 до отхода поезда. Место у меня купейное, нижняя койка. Выглядываю в окно - гэбист машет мне, как старому другу. Выглядываю в коридор - возле соседнего купе замечаю знакомые лица. Один из них как раз тот шустрый парень, что следил за мной в арбатском переулке; другого, постарше, я заметил в отделении милиции.

Как гостеприимна Москва! Не пожалели прикомандировать ко мне 2 бездельников в законе – видимо, опасаются, как бы я в пути не сошел с поезда. Сколько рабочих рук не хватает на производстве, в деревне – вот куда надо бы их послать! А этим дармоедам покупают билеты, выдают командировочные – и все для чего? Для того, чтобы следить за человеком, вся "вина" которого состоит в том, что он посетил иностранное представительство. А сколько таких дармоедов по всей стране содержится на деньги налогоплательщиков? Иногда для слежки за одним человеком выделяются две оперативные машины по 4 агента в каждой, сколько бензина тратится зря в наш век энергетического кризиса.

Но, видно, этим бездельникам недостаточно было находиться в соседнем со мной купе. Через проводника они принудили одного из пассажиров, ехавших в моем купе, поменяться местами с шустрым топтуном, последний не замедлил перебраться к нам на верхнюю полку. Я не разговаривал с этим топтуном, но он следил за каждым моим шагом. Когда на следующее утро во время остановки в Харькове я побежал в привокзальное почтовое отделение дать телеграмму, этот шустряк преследовал меня по пятам. После того как я отправил телеграмму, он пробрался к связистке, принявшей мой заказ, и стал что-то шептать ей на ухо – скорее всего, его интересовало содержание депеши и адрес, куда она была отправлена. 6-го ноября в 5 часов утра поезд прибыл на станцию Тбилиси. Идти домой так рано я не захотел – решил прогуляться по еще спящему городу. Улицы были пустынные – я легко заметил следующего за мной шагах в 30 от меня местного топтуна. А через некоторое время я был задержан группой лиц в штатском, среди них лишь один был в милицейской форме – подполковник милиции ЛОМТАДЗЕ. ЛОМТАДЗЕ был довольно сильно пьян, от него на несколько метров несло алкогольным перегаром, вел он себя нагло, развязно, как типичный уголовник. Он обвинил меня в том, что я якобы кого-то обворовал. Так как в Тбилиси стояла в то время теплая погода, я снял зимнее пальто, которое носил в Москве, и держал его в руках. ЛОМТАДЗЕ стал доказывать мне, что это пальто не мое, а краденое. Для того чтобы уличить его во лжи,

я решил одеть пальто на себя /оно было шито как раз на меня/. Но ЛОМТАДЗЕ не стал слушать меня. Ему нужен был любой предлог для моего задержания. Вскоре к нам подъехала "Волга", и все мы отправились в городское управление милиции. Там ЛОМТАДЗЕ отошел на задний план, вопросы стали задавать штатские. Меня подвергли перекрестному допросу - спрашивали то слева, то справа, то несколько человек одновременно, всего допрашивавших было семеро. Они старались сбить меня с толку, запугать, примерно в таком же ключе действовал ЧЕРТКОВ летом этого года. Один из допрашивавших, откормленный, самодовольный тип - как потом я выяснил, его зовут Корнелий КИГУРАДЗЕ¹, - был один из немногих известных мне гэбистов, которые афишируют в городе свою принадлежность к комитету /большинство, как я уже говорил, стараются помалкивать о своей профессии/. Так вот, этот КИГУРАДЗЕ заявил мне с угрозой: "Ты не смотри, что мы с тобой сейчас так мягко разговариваем: если будет нужно, поговорим по-иному". По его лицу мясника было видно, что именно такие избивают беззащитных людей в подвалах КГБ. Я ответил ему, чтобы он зря не старался, ибо ему не удастся запугать меня. КИГУРАДЗЕ мгновенно изменил тактику /просто удивительно, как он в течение небольшого отрезка времени, словно хамелеон, менялся в лице, изменял тон голоса, манеру держаться/. Теперь он стал разыгрывать роль моего доброжелателя, рассказал, что знает меня через каких-то третьих лиц. В то время я собирался переехать на жительство во Львов в расчете на то, что оттуда легче выехать из Советского Союза. КИГУРАДЗЕ об этом был осведомлен, стал отговаривать меня от переезда: "Человеку, рожденному в Тбилиси, трудно жить в другом городе, - убеждал он меня, - во Львове у людей другие привычки, обычаи, тебе нелегко будет ужиться с тамошним народом". Я попытался выяснить, откуда у него такая информация обо мне, но он уклонился от ответа.

Стоило, однако, мне обмолвиться о том, что у меня в Москве остался чемодан /он остался на квартире у тех людей, где я жил/, как КИГУРАДЗЕ тут же пристал с вопросами: "Где находится чемодан? У кого?" Я ответил, что чемодан остался в автоматической камере хранения, но номер кода я не помню, что найти чемодан смогу, ког-

1. Корнелий Ильич Кигурадзе, о нем см. также АС №3180:2 (где "Кигурезде" - ошибка).

да сам поеду в Москву.

Пока я разговаривал с КИГУРАДЗЕ, ко мне пристал с претензиями другой гэбист, еще совсем молодой, на вид ему было года 22-23. Несмотря на свой возраст, он тоже корчил из себя супермена. Держа в руках "Молитвенник", который у меня отобрали при обыске, он выговаривал мне: "Почему вы читаете литературу, изданную за рубежом? Разве вам не известно, что это запрещено?" Я не счел нужным отвечать на этот глупый вопрос, но "супермен" продолжал настойчиво его повторять. Наконец я ответил ему, что не могу одновременно разговаривать с двумя людьми. После этого он прекратил донимать меня.

Однако главной фигурой, руководившей допросом, был мужчина в сером костюме с вкрадчивыми манерами, лет 50-55. Как я потом узнал, это был начальник следственного отдела КГБ Грузии Александр МИРИАНАШВИЛИ. Он почти не задавал вопросов, держался в стороне, чаще стоял за моей спиной - но я заметил, как он жестами и мимикой руководил остальными, давая знать, кому и когда вступать в разговор, а кому прекращать. Допрос в горуправлении милиции продолжался часа полтора. Роли гэбистов были распределены: ЛОМТАДЗЕ, КИГУРАДЗЕ и тот молодой "суперменчик" больше угрожали мне, а МИРИАНАШВИЛИ и один армянин в очках вроде бы урезонивали их /тактика кнута и пряника/, изображая из себя интеллигентов. Но что интересно: никто из них не задал мне главного вопроса, который их интересовал больше всего и из-за чего, собственно, я и был задержан - какова была цель моего визита в посольство и о чем я там разговаривал с иностранными дипломатами. Все дело в том, что меня не могли обвинить за мой визит в бельгийское посольство - уголовный кодекс не предусматривает подобного "преступления". Целью допроса была разведка боем, МИРИАНАШВИЛИ пытался проверить мое настроение, выяснить мои намерения на будущее. Он дал мне номер телефона, на всякий непредвиденный случай. После допроса КИГУРАДЗЕ и еще один следователь, единственный русский из присутствующих, состряпали рапорт, будто бы я нецензурно выражался при задержании. Очевидно, им это понадобилось для того, чтобы как-то зафиксировать причину моего задержания. На ночь меня отвезли в отделение

милиции Заводского района. Там меня вначале поместили в маленькую душную камеру без освещения, без нар - нечто вроде карцера. Я стал стучать в дверь. Это была выдавшая виды скрипучая доска, которая начала трещать под моими ударами. На мой стук пришел дежурный офицер. Я спросил его, не собираются ли меня задушить здесь. Офицер распорядился выпустить меня из камеры и поместить в коридоре, где мне удалось, примостившись на деревянной скамье, вздремнуть несколько часов. На следующий день - это было 7 ноября, годовщина пролетарской революции - я написал заявление на имя прокурора, в котором в знак протеста против незаконного задержания объявлял голодовку. К часу дня меня вновь отвезли в горуправление милиции. Разговор состоялся в кабинете тогдашнего заместителя начальника управления полковника ШОНИЯ. Кроме ШОНИИ при разговоре присутствовал МИРИАНАШВИЛИ и незнакомый мне человек в черном костюме, явно не местный. По тому, как почтительно к нему обращались МИРИАНАШВИЛИ и ШОНИЯ, было ясно, что это важная птица, скорее всего из Москвы. Человек в черном явно нервничал, об этом свидетельствовал нервный тик - подергивание глаза. Пока МИРИАНАШВИЛИ и ШОНИЯ вели со мной ничего не значащую беседу /ШОНИЯ рассказывал, что провел свое детство в том же районе, что и я, стал выяснять, нет ли у нас общих знакомых/, незнакомец с явной неприязнью поглядывал на меня. Ему не терпелось вступить в разговор, тем более, что он не понимал о чем идет речь, так как мы говорили по-грузински. Наконец он изрек: "Вот мы здесь разговариваем с тобой, а тебя следовало протянуть хорошо по спине и послать работать. Ведь сколько рабочих рук не хватает". - "Должно быть, богатый опыт имеется по этой части, старые времена вспомнились?" - отвечаю я. По возрасту этот гэбист вполне мог служить еще во времена БЕРИИ, когда не теряли времени на общие разговоры, а ломали беззащитным жертвам позвоночника, сжимали тисками половые органы и т.д. и т.п. И вот теперь эта недобитая нечисть вновь поднимает голову, вновь слышится шипение подколодной змеи. Я и этот московский гэбист с нескрываемой ненавистью смотрим друг на друга. Наконец МИРИАНАШВИЛИ нарушает наступившее молчание: "Ну, зачем так? Вот товарищ при-

ехал побеседовать с вами". "Товарищ" что-то соображает, видно, нелегко ему подобрать нужные слова, да и сама возложенная на него миссия тяготит его. Сдерживая злбу, он говорит: "Вот вы были в посольстве, наверное, хлопотали о выезде, а ведь у нас есть организация, специально занимающаяся этим вопросом. Туда и нужно обратиться". Только что он мечтал протянуть меня по спине /палкой или резиновой дубинкой?/, а теперь предлагает подавать документы на выезд. Какова метаморфоза?! Отвечаю: "Какой смысл обращаться в ОВИР? Разве меня выпустят?" - "Ну вы подавайте документы, там разберут", - уклончиво отвечает москвич, - только вы больше не обращайтесь в иностранное посольство". На этом наш разговор заканчивается. Мне возвращают "Молитвенник" и другие отобранные при задержании вещи и выпускают на свободу.

Документы на выезд в Израиль я подал, но через 4 месяца ОВИР ответил мне отказом, даже не посчитав нужным сообщить причину отказа.

Одновременно с этим ЧК, не забывая моего визита в бельгийское посольство, периодически в "профилактических" /по их понятиям/ целях напоминает мне о себе. Делается это, как правило, через милицию и обычно в связи с каким-нибудь мероприятием, во время которого КГБ стремится обезопасить себя от неожиданных инцидентов.

Так, например, во время московской Олимпиады Комитет старался освободить Москву от людей, потенциально способных вступить в контакты с иностранцами. В списке этих людей, очевидно, числился и я. Примерно за неделю до начала Олимпиады ко мне на квартиру явился участковый инспектор милиции ДОДЖОРИШВИЛИ. Я его видел впервые, до этого даже не подозревал о его существовании; вообще, нужно сказать, я старался обходить милицейские участки в силу специфических чувств, испытываемых по отношению к милиции. ДОДЖОРИШВИЛИ обманым путем выманил у меня паспорт, сказав при этом, что со мной хочет побеседовать заместитель начальника районного отделения милиции СУХИАШВИЛИ, который после беседы вернет мне паспорт. Это было явное нарушение советского закона¹, но инспектора это не беспокоило. Несколько раз я ходил за паспортом в мили-

1. См. ст.21 Положения о паспортной системе в СССР (СПП СССР, 1974, №19, ст.109): "Запрещается изъятие у граждан паспортов, кроме случаев, предусмотренных законодательством СССР, а также прием и передача паспортов в залог".

цию, но у СУХИАШВИЛИ все не было времени для меня, паспорта он мне не возвращал, избегал конкретного разговора со мной, раз только с каким-то упреком сказал мне: "Ты что, считаешь себя умнее ЛЕНИНА?" В кабинете у него постоянно кто-то сидел, какие-то женщины, иногда уполномоченный КГБ при райотделении милиции Энвер КАЛАНДАДЗЕ¹. Я понял, что СУХИАШВИЛИ тянет время до начала Олимпиады. Во время третьего или четвертого визита к нему я так ему и сказал, добавив, что не собираюсь посещать Москву во время Олимпиады /я действительно не собирался этого делать/. Тогда СУХИАШВИЛИ предложил мне написать письменное заявление об этом. Как только я написал это заявление, мне тут же был возвращен паспорт. ДОДЖОРИШВИЛИ и после этого случая неоднократно заявлялся ко мне на квартиру: то в 10 часов ночи, то в 8 часов утра, звал в милицию для "беседы" со своим начальством. "Беседы", как правило, представляли собой скрытые угрозы и туманные предостережения. В последнее время ко мне стал заявляться домком, требуя, чтобы я освободил в течение нескольких дней занимаемую комнату. Он объяснил мне, что лично против меня ничего не имеет, что ему все равно, где я буду жить, но что ему звонят из горисполкома, настаивая на моем выселении. Формальным предлогом для выселения является то обстоятельство, что я прописан в другом районе. Я отверг требование домкома как незаконное, заявив, что до предъявления решения суда о моем выселении не желаю разговаривать на эту тему.

В заключение мне хочется сделать некоторые выводы. Все более явным становится резкий крен во внутренней политике в сторону тотальной регламентации частной жизни граждан. Этому, несомненно, способствует то обстоятельство, что ключевые посты в государственном аппарате постепенно занимают кадровые гэбисты. Им уже мало того, что они изолировали миллионы людей от внешнего мира, теперь они мечтают контролировать поведение человека внутри страны, ограничивая свободу передвижения по эту сторону железного занавеса. Все это происходит на фоне неуклонного роста преступности и роста числа нераскрытых преступлений, под аккомпанемент нудных разгла-

1. Майор в окт. 1980 (Хр.62:121).

гольствований об укреплении дисциплины - о какой дисциплине речь, когда, например, женщины боятся одни, с наступлением сумерек, выходить на улицу.

Естественно, напрашивается вопрос: куда мы движемся, чем все это кончится? Возможно ли повторение террора 30-х годов, массовые истребления мирных граждан, осуществленные мафией ЕЖОВА и БЕРИИ? Последний, как известно, пытался поставить органы МГБ над партией и госаппаратом. Тогда на пути БЕРИИ стала армия во главе с маршалом ЖУКОВЫМ. Что же произойдет сейчас? Я не пророк, не беру на себя ответственность предсказывать дальнейший ход событий. Многое зависит от самих людей: будут ли они пассивными наблюдателями или, что еще хуже, послушным орудием в руках темных сил, или же они осознают всю серьезность складывающейся ситуации и окажут сопротивление силам зла. Я выражаю надежду на то, что наследникам БЕРИИ не удастся осуществить свои цели. Я возношу свои молитвы к Единому Создателю всех миров, моля Его не допустить массового избиения невинных людей.

Имануэл¹/Энрико/ ТВАЛАДЗЕ²

Сентябрь 1983 г.

Тбилиси

1. В нек. текстах "Эммануил".

2. Соавтор АС №№2896-6, 3177 (в защ. А.Шаранского), подписал №№2956, где "Цваладзе" - ошибка), 3038, 3299 (в защ. А.Подрабиника; в тексте "Эдуард Твиладзе" - ошибка).

АС №5244. Юрий Шаулов, лодман, еврей-отказник. "Заявление" Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэлью с просьбой помочь ему и его семье выехать из СССР, Ленинград (не ранее 2.10.83).⁺

Генеральному секретарю ООН
господину ПЕРЕСУ ДЕ КУЭЛЬЮ

от гражданина СССР ШАУЛОВА Юрия
Михайловича, г. Ленинград, 192286,
ул. Димитрова, дом 18, корпус 5,
кв. 73

З А Я В Л Е Н И Е

Господин Генеральный секретарь!

Я, ШАУЛОВ Ю.М., вынужден обратиться в ООН, к Вам лично, ввиду невозможности нашего дальнейшего проживания в СССР.

Я - еврей, советский еврей, а что может быть в жизни человека хуже, чем быть евреем в СССР?! Абсолютно неизвестно, что сделают с тобой в любой момент, какой новый вид измывательств и мер пресечения к тебе применят?!

Быть евреем в СССР и иметь родственников за границей - это глубочайшее преступление против великой русской нации, какие только меры русского шовинистического садизма к нам не были применены за последние годы!

Вот уже четыре, целых четыре года, с 01 октября 1979 года, я получил запрет на профессию, лишен права работать по специальности и подвергаюсь всевозможной травле, я полностью лишен всех прав на работу по специальности в СССР, что, естественно, противоречит Конституции СССР и принципам ленинской национальной поли-

⁺Перепечатка с фотоконии оригинала из АС.

тики, но у еврея нет прав в СССР, с ним могут поступить как угодно, никакие законы еврея не защищают!

А если учесть, что Всеобщая декларация прав человека в СССР вообще недействительна и важнейший мирового значения документ совершенно не распространяется на советских евреев, то Вы можете представить себе наше положение в этой "гуманной и справедливой стране равных возможностей для всех наций" - оно ужасно!

Рост государственного советского антисемитизма столь велик, что просто приходится опасаться за жизнь своей семьи, потому что за "случайное" убийство еврея никто ответственности не понесет и оно¹ будет расценено как патриотический факт!

Мне лично неоднократно приходилось сталкиваться² с вопиющими фактами антисемитизма, ввиду того что любые действия со стороны русских против еврея являются проявлением патриотизма и гражданского долга, но никак не преступлением!

Сам факт получения мною запрета на профессию пожизненно в СССР /я - профессиональный моряк, лоцман/ является нарушением всех существующих гражданских прав и законов для граждан СССР любой национальности, и после этого акта Советского правительства я более не считаю себя ГРАЖДАНИНОМ ЭТОЙ СТРАНЫ и требую, чтобы Советское правительство предоставило мне свободу и выпустило меня и мою семью из пределов СССР, я ПРОШУ КОМИТЕТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА при ООН, ВАС ЛИЧНО проявить сочувствие и гуманность, содействовать нам в получении разрешения на выезд из СССР.

Я неоднократно обращался в ОВИР г. Ленинграда, подав туда соответствующие документы, вызов от брата жены из гос. Израиль, с просьбой выпустить нас из СССР в гос. Израиль, пользуясь правом воссоединения семей и Хельсинкских соглашений, но постоянно получал отказ.

Я обращался письменно к самому Председателю Президиума Верховного Совета СССР господину АНДРОПОВУ Ю.В., в центральную коммунистическую советскую прессу - но все глухи к нашим бедам, все делают вид, будто никто и не хочет уезжать и никто не лишал меня

1. Слово "оно" добавлено нами - ред. АС.
2. В получ. копии "столкнуться".

работы и нет проблемы евреев в СССР!

Я и вся моя семья просим Вас лично, глубокоуважаемый господин Президент ООН, помочь нам обрести свободу и человеческие права, нет более возможности терпеть советский антисемитизм!

Мы обращаемся к Демократической Общественности ВСЕГО МИРА, ко всем ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ, борцам против проявления любых видов расизма и антисемитизма, к людям, которые уважают священное П Р А В О КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДУ И ЖИЗНЬ - П О М О Г И Т Е Н А М П О К И Н У Т Ь СССР!

Единственное наше преступление - это то, что мы родились ЕВРЕЯМИ!

Мы верим в огромный авторитет ООН и ВАШ лично, поэтому просим ВАС не остаться безучастными в нашей судьбе, помогите нам покинуть СССР, тем самым обрести свои человеческие права и свободу!

С огромной надеждой и уважением

Ю.Шаулов¹

1. Подпись от руки.

АС №5245. Сообщение о деле еврея-отказника Захара Зуншайна, задержанного в Москве 4.3.84, обвиненного в Риге 6.3 по ст.183-1 УК ЛатвССР (без места, между 26 и 28.6.84).⁺

ГОРОДЕЦКИЙ¹ 26.06 утром вернулся из Риги, где ему отказали в праве быть защитником ЗУНШАЙНА. Татьяна ЗУНШАЙН будет защищать своего мужа. Захар ЗУНШАЙН обвиняется по статье 183-1 Латвийского Уголовного кодекса, эта статья соответствует статье 190-1 Уголовного кодекса РСФСР "Изготовление и распространение заведомо ложной информации и слухов против СССР"². В соответствии со статьей 183-1 и УПК ЛатвССР такие случаи должны быть в компетенции только Верховного суда, однако из Верховного суда ЛатвССР это дело было совершенно неожиданно передано в Ленинградский районный суд города Риги. Даже прокурор ЛатвССР ДЗЕНИТИС³ внес в связи с этим протест. Районный суд находится далеко на окраине Риги, но...

1/ решения Верховного суда не подлежат кассации;

2/ решения народного районного суда - да, могут быть обжалованы, т.е. на его решения может быть подана кассационная жалоба.

Когда Татьяна ЗУНШАЙН прибыла в тюрьму в качестве официального защитника для встречи с подзащитным, ей было отказано во встрече на основании: "Захар ЗУНШАЙН по документам тюрьмы числится проходящим по Верховному суду Латвийской ССР, а вы прибыли с документами защитника, проходящего по районному /Ленинградский р-н города Риги/ народному суду". Как выяснилось позднее, девушка "забыла" передать документы в тюрьму об изменении суда, т.е. всю вину переложили на девушку-курьера. Сделано все, чтобы сорвать защиту. 22 июня 1984 года Татьяна ЗУНШАЙН вместе с Полиной БАЛТЕР

⁺Перепечатка с перепечатанной копии оригинала из АС.

1. Яков Городецкий, еврей-отказник из Ленинграда; о нем см., напр., АС №№5151, 5161.
2. Точнее: "Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих сов. гос. и общественный строй".
3. Янис Эдуардович Дзенитис, в должн. с серед. марта 1980 ("Сов. Латвия", 21.3.80); 1929 г.р., в 1967 избран чл. Верх. Суда СССР, с 1970 - мин. юстиции ЛатвССР (биогр. - "Соц. законность", 1980, №5:32). В получ. копии "Генеральный прокурор... Дзенис".

направились поездом в Ленинград для юридической консультации, но были сняты милицией в пути с поезда, препровождены к старшему лейтенанту КГБ ТОБОЛКИНУ, который заявил, что если Татьяна хочет увидеть своего мужа только через несколько лет, то она может ехать в Ленинград. Но поезд уже ушел, и Татьяна с Полиной вернулись в Ригу.

Татьяна ЗУНШАЙН была ознакомлена с обвинительным заключением, которое совершенно бездоказательно, не имеет никаких фактов и состоит из оценки действий подсудимого без доказательств. В качестве документов, порочащих якобы советский строй, приведены только его /Захара/ письма и заявления, направленные в различные учреждения /партийные и правительственные/, с требованиями реализации его права выезда в Израиль и о нарушениях органов ОВИР и КГБ, связанных с реализацией этого права. Это не является ни изготовлением, ни распространением "порочащих слухов".

Подшитые к делу материалы, направленные Захаром в газету "Известия" по вопросу арабо-израильского конфликта 1948-1949 гг., представляют выдержки из официальных советских документов без всяких обобщений, и если они порочат, то ЗУНШАЙН не в ответе. Письмо, в котором ЗУНШАЙН характеризует КГБ Латвии как орган обнюхивающий, обыскивающий, избивающий, прерывающий переписку и связь, содержит фактический материал и не есть клевета. В обвинительном заключении взяты в кавычки множество выражений, не принадлежащих Захару, чего он никогда не писал, и это - прямая фальсификация. Во всех своих заявлениях и протестах ЗУНШАЙН был предельно осторожен. В обвинительном заключении сказано, что ЗУНШАЙН лжет, что отказ на выезд был не обоснован. В обвинительном заключении сказано, что с октября 1983 по 4 марта /день ареста¹/ 1984 занимался распространением клеветы в своих жалобах на органы милиции, КГБ, ОВИР, а также партийные органы. В деле подшиты якобы свидетельские показания учителей, с которыми ЗУНШАЙН² работал до 1982 года.

1. Воскресенье, в Москве у памятника Карла Маркса; Зуншайн вместе с женой Татьяной, Александром Балтером и Леонидом Уманским провели демонстрацию с требованием освободить их от сов. гражданства. Они были задержаны, отправлены в Ригу, где все, кроме Зуншайна, были освобождены (АП, 11.4 и 29.6.84; в сообщениях АП и ЮПИ от 6.3.84 день демонстрации и задержания в Москве указан ошибочно - "понедельник, 5 марта").
2. В получ. копии здесь и далее в неск. местах "3."

Сказано, что демонстрации во время сессии Верховного Совета СССР и во время выборов с плакатом "Требую выхода из гражданства СССР" являются оскорблением СССР.

Далее в заключении приводятся слова:

Красивые слова остаются красивыми словами и правильные слова останутся только правильными словами, если власть одной рукой будет издавать законы, а другой делать все, чтобы граждане не могли воспользоваться этими правами.

ЗУНШАЙН никогда не писал таких слов. Все следствие было проведено с нарушением УПК. ЗУНШАЙН отверг следствие и следователя ГРУ-БУПА¹. В обвинительном заключении сказано, что, отвергая следствие, ЗУНШАЙН стремится избежать наказания. ЗУНШАЙН в письменном заявлении подтверждает желание сотрудничать со следствием в деле установления истины, что следствие обязано обеспечить защиту обвиняемого. Из обвинительного заключения выброшены показания КОГАНА², описание обысков у ГОРОДЕЦКОГО.

В обвинение включены показания 10 фальшивых свидетелей; нет подтверждений, что он что-то передавал за границу, поэтому в Москве, в Прокуратуре³ СССР, прокурор по надзору за ЛатвССР заявил, что "дела ЗУНШАЙНА" нет.

Дело ШУНШАЙНА - удар по всем отказникам: сидите тихо и не рыпайтесь, иначе сделаем то же, что с ЗУНШАЙНОМ. Таня будет просить отсрочки суда, для того чтобы подготовиться к процессу.

В деле ЗУНШАЙНА содержится 2 из 5 его протестов, написанных в тюрьме, в СИЗО /следственный изолятор/, причем написаны они на оберточной бумаге. Ему не давали ни бумаги, ни ручки. Условия его содержания были до дикости страшными.

1. ЗУНШАЙН арестован с температурой 38,5°С в гриппозном состоянии.

1. Ср. "Грудуп", вероятно - правильно (с.4).

3. В получ. копии "Генеральной прокуратуре".

2. Вероятно, Исаак Коган, ленинградский отказник с дек. 1974; подписал АС №3966, (м.б. 3489).

2. 15 марта он пишет 1-е заявление, в котором указывает:

8.03 мне перестали выдавать лекарство, и температура поднялась до 39°С. В таком виде меня посадили в палату с 60 уголовниками. Я заявляю, что если меня хотят убить с помощью уголовников, которым я все равно не подчинюсь и не поклонюсь, то это могут делать. Мне известно, что жизнь есть не во всех случаях та ценность, за которую можно заплатить честью.

Он обратился к следователю /14.03/ ГРУДУПУ Г.Ж.¹ с просьбой дать аспирин - отказ. Этот же Г.Ж. ГРУДУП заявил, что сидеть с уголовниками не страшно, но зондеркоманда не будет сидеть сложа руки. После этого ЗУНШАЙН отказался говорить со следователем ГРУДУПОМ Г.Ж.

3. ГРУДУП заявил, что ЗУНШАЙН жесток к родным и близким, отказываясь принимать посылки-передачи. Дежурный по СИЗО заявил, что передачи будут уничтожаться на глазах ЗУНШАЙНА с актом об уничтожении, и тогда ЗУНШАЙН потребовал информировать жену о том, что он отказывается от передач. ЗУНШАЙН объявил голодовку и голодал более 3 недель.

4. 16 мая новый следователь проводил допрос с заранее отпечатанным бланком, т.е. вопросы были заранее напечатаны и ЗУНШАЙНУ нужно было только вписать ответ.

5. 25 мая - новый театральный допрос. Я /ЗУНШАЙН/² развеселился, и следователь едва успевал писать ответы.

Дополнение³

ЗУНШАЙН был в карцере несколько раз, один раз он получил карцер 10 суток за то, что непочтительно отозвался о матрасе, слишком коротком для его высокого роста.

С 13 марта у него были такие нарывы в горле, что вода, которую он пытался проглотить, выходила через нос. Жалоба, написанная им в этот день, гласит, что он, похоже, отдает богу душу.

1. Гунтис (см. бюллетень "Группы 35" "Circular", Лондон, 3.4.84, №28, где "...Prosecutor of Riga - Mr. Guntis Grutup", по-видимому, ошибка).

2. Так в получ. копии.

3. Слово "Дополнение" добавлено нами - ред. АС.

Его перевели в другую камеру. В тюремной больнице его практически не лечили.

Заявление ЗУНШАЙНА прокурору ЛатвССР от 19.03.1984:

6 марта 1984 против меня возбуждено дело по ст.183-1. Я был арестован с температурой 38,5°С; сразу же меня поместили в больничное СИЗО. 12 марта меня выписали, 14 марта состояние резко ухудшилось. С вечера 15.03. меня стали лечить. Сейчас мне легче, но я еще не здоров.

По поводу ЗУНШАЙНА во все правительственные инстанции направлено письмо протеста, подписанное 50 семьями из Ленинграда и Москвы:

Мы, евреи, желающие репатрироваться в государство Израиль, обеспокоены многочисленными нарушениями УПК по делу ЗУНШАЙНА. Мы все можем оказаться точно в таком же положении, как и еврей Захар ЗУНШАЙН, 1951 г. рождения. Ход и ведение следствия не вселяет в нас надежды на объективный суд, который должен начаться 28 июня 1984 г.¹ Нашим гражданским и человеческим долгом является защита достоинства и свободы еврея Захара ЗУНШАЙНА.

Мы обращаемся также к правительству и народу Израиля за помощью своим гражданам.

1. Процесс состоялся 28-29.6.84, в 2-х заседаниях, длившихся всего 2,5 часа. В зал суда были допущены мать, отец, сестра и жена Зуншайна Татьяна, которая не была принята судом в качестве защитника. Отец (Михаил) был оскорблен как ветеран Вел. Отеч. войны. Примерно 20 друзей Зуншайна не были допущены в зал. Зуншайн отказался участвовать в суд. процессе. Он успел передать жене, что начнет голодовку. Нарсуд Ленинградского р-на Риги приговорил его к 3г. ИТК общ. реж. (АП, 29.6.84, а также АФП, ЮПИ, 28.6, АФП, Рейтер, ЮПИ, 29.6).